

На правах рукописи

Федина Ирина Михайловна

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОСЕЛЕНИЙ
И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ УКЛАД КАЗАКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
НА КУБАНЬ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук**

Краснодар 2023

Работа выполнена на кафедре истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный консультант:

Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (на условиях почасовой оплаты), профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, директор научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова» (г. Новочеркасск), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Официальные оппоненты:

Венков Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону);

Колосовская Татьяна Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь);

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск).

Ведущая организация:

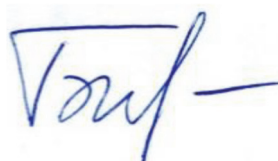
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования (ФГАОУ ВО) «Волгоградский государственный университет» (г. Волгоград).

Защита состоится «22» декабря 2023 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.320.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149. E-mail: dissovvet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан «21» сентября 2023 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук,
доктор политических наук, профессор

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования предопределяется, *во-первых*, степенью важности в историческом пространстве Кубани, равно как и всей нашей страны, поселенческих образований (хуторов и станиц, сёл и колонистских поселений, посёлков и городов, и т.д.), в которых с различной социальной динамикой проходила и ныне протекает повседневная жизнь людей, в том числе, казаков. *Во-вторых*, формы поселенческих структур (слободки, хутора, куренные поселения, станицы и т.д.) на Кубани являются единственной в своём роде общественной формой самоорганизации жизненного уклада казачества, выступая историческим и культурным феноменом, развивающим огромный потенциал кубанской земли. *В-третьих*, изучение поселенческого уклада кубанских казаков становится важной составляющей в совокупности историописаний и концепций, раскрывающих историческое прошлое российского общества. В пространстве исторического региона Кубани произошло объединение геополитики России на Кавказе, конфликтогенного северокавказского фронта вкупе с насущной необходимостью получения добавочных ресурсов продовольствия и разнообразного природного сырья, с расширением восточнославянского мира на Северном Кавказе. *В-четвёртых*, история казачьих поселений выступает неотъемлемой составной частью многообразной истории кубанского казачества, поэтому предлагаемое исследование полномасштабной трансформации поселенческих структур позволяет по-новому взглянуть на отдельные принципиальные сюжеты казачьей истории с использованием авторского научного инструментария пространственного анализа поселенческой реальности и познания исторического места казака-переселенца. *В-пятых*, актуальность темы исследования обусловлена Стратегией государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. (Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г., № 505), заключающейся, в частности, в тщательном сохранении, последовательном и объективном изучении многогранного исторического прошлого, в том числе, казачьего мира Кубани.

Хронологические рамки исследования охватывают по обоснованным автором масштабам исторический период, начиная с конца XVIII в. и заканчивая началом революционных трансформаций в 1917 г. Нижняя временная граница настоящего исследования продиктована появлением первых исторических свидетельств об изначальных казачьих поселениях в качестве обособленной поселенческой структуры в историческом регионе Кубани. Верхняя граница индивидуальной исследовательской траектории определена развёртыванием социалистической трансформации исторической повседневности традиционного общества кубанских казаков.

Территориальные рамки исследования. В территориальном отношении осуществляется привязка не только к историческим границам Черноморского казачьего войска, но и иных территорий по состоянию на конец XVIII в., с учётом вхождения в 1860 г. Черномории вместе с частью Кавказского линейного казачьего войска в состав единого Кубанского казачьего войска. Исторический регион Кубани пережил пять крупных административно-территориальных реформ: 1) образование округов в 1794 г.; 2) укрупнение округов в 1802 г.; 3) введение в

действие «Положения о Черноморском казачьем войске» 1 июля 1842 г. с тремя округами и принятие «Положения о Кавказском линейном казачьем войске» 14 февраля 1845 г. с упорядочиванием ситуации на востоке Кубани; 4) образование Кубанского казачьего войска 19 ноября 1860 г. с последующим утверждением 5 уездов; 5) «Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» 21 марта 1888 г. Кроме того, регион испытывал существенное влияние военно-стратегического и геополитического факторов, поэтому Кубань входила в разные административно-территориальные консолидации, к числу которых, например, относится правый фланг Кавказской линии, где располагались линейные станицы. С другой стороны, наблюдалось обособление части территории, свидетельствами чего являются существование Закубанского края в период 1830–1865 гг. и многократное перекраивание внутренних административных границ в Восточном Причерноморье.

Безусловно, мы учитываем административно-территориальное деление, когда сегодня историческая территория Кубани находится в пределах четырёх субъектов Российской Федерации – Краснодарского края, Республики Адыгея, Ставропольского края и Карачаево-Черкесской Республики.

Объект исследования – поселенческий уклад кубанских казаков в ходе освоения исторической территории Кубани и образования различных форм поселений. Поселения рассматриваются в объективной и субъективной исторической реальности от момента зарождения до перехода к советской модели заселения Кубани.

Предмет исследования – казачьи поселения в материально-хозяйственных, военно-организационных, социокультурных и духовно-нравственных вариантах их повседневного существования. Соответственно, в рамках предмета исследования находятся: историческая динамика поселенческого уклада; сочетание традиций и новаций в организации жизненного пространства в местах проживания кубанских казаков; характеристика типов (форм) поселений в региональном контексте на этапах заселения новых территорий, социально-экономического генезиса и последующей поселенческой трансформации исторического региона Кубани.

Степень научной разработанности проблемы. Анализ степени изученности проблемы¹ нами понимается как последовательное движение от осмысления историографических фактов и взглядов их создателей (авторов), от определения ключевых маркеров в массиве привлекаемой литературы к выделению этапов в историографии поставленной научной проблемы, далее к формулированию ключевых историографических тенденций, и в завершение – к выяснению лакунов в исследовании поселенческого уклада кубанских казаков и исторических форм поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв.

Цель диссертационного исследования – формирование концептуализированного представления о поселенческом укладе кубанского казачества в конце XVIII – начале XX вв. в контексте различных форм поселенческого обустройства в историческом регионе Кубани и на основе ретроспективы исторической повседневности казачьих поселенческих структур.

¹ Развёрнутый историографический обзор с полномасштабными ссылками представлен в § 1 первой главы текста диссертации.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие исследовательские задачи:

– выявить основные теоретико-методологические подходы к проблеме поселенческого обустройства на казачьих территориях Кубани в исторической науке, этапы и тенденции развития историографии проблемы;

– определить и интерпретировать совокупность исторических источников (в том числе, впервые вводимых автором в научный оборот) исследования государственной поселенческой и переселенческой политики на Юге России в конце XVIII – начале XX вв.;

– создать авторскую концепцию исторических поселений кубанского казачества и разработать категориально-понятийный аппарат осмысления поселенческого обустройства казаков Кубани и Черноморья;

– интерпретировать процесс межевания (с использованием традиционных и практически повседневных казачьих процедур) пожалованного за государственную службу имперскими властями и осваиваемого казаками земельного пространства под устройство изначальных поселений; поиск переселенцами вариантов рачительного и разумного природопользования, приемлемой для местных условий агрикультуры и противоречия территориального поселенческого расселения в пределах Кубани;

– установить исторические пределы многообразия форм поселений черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев в исторической повседневности Кубани с выяснением понятийных смыслов в рамках вероятностного наличия вариантов исторической интерпретации, в том числе, в отношении ранее употреблявшихся в исторических исследованиях дефиниций;

– аргументировать модели развития казачьих поселений в пространственно-временном континууме исторического региона Кубани как целостной военно-административной, хозяйственно-культурной и духовно-нравственной системы, выявить общие и особенные черты генезиса поселенческих структур у черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев, охарактеризовать ключевые формы поселений в региональном историческом процессе;

– осуществить полномасштабную историческую реконструкцию сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае, служивших опорными военно-хозяйственными конструкциями для водворения новых казачьих поселений, их последовательного укоренения на Кубани;

– обосновать закономерности топохронной эволюции казачьих хуторских поселений на Кубани, раскрыть прогрессивные черты и параметры эффективности хозяйственно-культурного уклада кубанского хутора, проанализировать тенденции складывания архетипа казачьего хуторского мира на Кубани;

– выявить поселенческое миромоделирование имперскими и региональными властями казачьей повседневности на прилегавшей к Кубани территории Восточного Причерноморья, со временем интегрированной в рамках единого российского региона, чему способствовало существование Черноморской береговой линии и станиц Закубанского поселения;

– раскрыть сущность процесса трансформации кубанских поселений и казачьей повседневности во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях адми-

нистративно-территориальных реформ в Кубанской области, модернизации поселенческого пространства и актуализации взаимоотношений казаков и иногородних крестьян.

Теоретико-методологическая база исследования¹ нами трактуется как совокупность применяемых принципов научного познания; используемых парадигмальных конструкций для осмысления рассматриваемой научной проблемы; характерных методов исследования; выработанного и соответствующего тематике категориально-понятийного аппарата; авторских методик работы с историческими фактами (например, в отборе архивного материала). Центральным же элементом теоретических построений выступает авторская концепция исторических поселений, формирующая в диссертационном исследовательском поле историко-пространственную парадигму «казачий мир Кубани». Подчеркнём опору автора на фундаментальные принципы исторического познания – объективности, системности, историзма, конкретности и альтернативности.

Источниковая основа исследования представлена основными типами письменных исторических источников. Вся совокупность опубликованных источников делится на следующие группы: 1) нормативно-правовые акты имперских инстанций; 2) макрорегиональные и войсковые документы (формулировка даётся с учётом содержания включённых в группу источников); 3) справочно-информационные издания; 4) материалы периодической печати; 5) эго-свидетельства россиян (источники личного происхождения подданных Российской империи); 6) записки иностранных путешественников и учёных (источники личного происхождения имперского периода истории), в том числе, на иностранных языках. Последние две группы имеют бинарный характер. Что касается неопубликованных источников, то они дифференцируются на две группы: 1) архивные материалы; 2) музейные артефакты, анализ которых является частью диссертационного текста.

Привлекаемые для анализа исследуемой научной проблемы архивные материалы отложились в 3 федеральных, 4 региональных и 3 муниципальных архивах, расположенных в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Ставрополе, Майкопе, Черкесске, а также в Ейске, Новороссийске и станице Ленинградской Краснодарского края². Опора, в первую очередь, на неопубликованные письменные исторические источники и на сочетание разных архивохранилищ позволила обеспечить достаточную степень новизны диссертационного проекта.

Научная новизна исследования заключается в научной концептуализации проблемы казачьей повседневности путём авторского анализа истории различных типов и форм кубанских поселений (микроистории) и культурантропологического позиционирования траекторий человеческих судеб (полных версий и фрагментов исторических биографий) во фронтальном пространстве исторического региона Кубани (макроистории).

Кроме того, в работе:

¹ Детально теоретико-методологическая база исследования представлена в § 3 первой главы текста диссертации, а её краткое описание содержится в настоящем автореферате.

² Детально источниковая основа исследования представлена в § 2 первой главы текста диссертации, а её краткое описание содержится в настоящем автореферате.

1) определены на основе развёрнутых историографического и источниковедческого анализа привлекаемой соискателем совокупности (в том числе, впервые вводимых в научный оборот архивных дел с полным атрибутированием) исторических источников базисные концептуально-теоретические модели познания изучаемой темы; выработана авторская концепция исторических поселений; адаптирован категориально-понятийный аппарат для устранения выявленных диссертантом лакун и недостаточно изученных исторических сюжетов в историографии научной проблемы и предложены инновационные дефиниции исследования поселенческого обустройства и многогранной повседневности казаков-переселенцев в историческом регионе Кубани;

2) интерпретированы процессы межевания и порядок землепользования, проведение войсковой реорганизации на Кубани при освоении казаками пожалованных за государственную службу земель и поселенческом обустройстве с использованием традиционных процедур; раскрыты формы поиска переселенцами вариантов рационального природопользования; установлены особенности приемлемой для местных условий агрикультуры в результате повседневного приспособления изначальных приёмов и навыков землепользования; выяснены коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани;

3) обоснована авторская типологизация поселений черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев в исторической повседневности Кубани с формулированием соответствующих дефиниций обозначенных групп поселенческих структур; определены ключевые формы поселений в региональном историческом процессе на протяжении изучаемого периода конца XVIII – начала XX вв.;

4) доказано целенаправленное и соответствующее исторической эпохе развитие казачьих поселений как целостной военно-административной, хозяйственно-культурной и духовно-нравственной системы в пространственно-временном континууме исторического региона Кубани; выявлены общие и особенные черты генезиса поселенческих структур у черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев, что подкрепляется итоговой типологизацией кубанских поселений;

5) впервые в отечественной историографии осуществлена полномасштабная историческая реконструкция с учётом проходившей коадаптации имперского управленческого комплаенса и установлены особенности сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае, служивших базисными военно-хозяйственными конструкциями при освоении казачеством недавно присоединённых российских территорий, водворении новых казачьих поселений и формировании культуры общеказачьей (для разных групп казаков-переселенцев) повседневности в Закубанье;

6) доказана топохронная эволюция казачьих хуторских поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв.; сформулированы прогрессивные черты и параметры эффективности хозяйственно-культурного уклада кубанского хутора; установлена историческая правомерность мироустройства этой поселенческой модели и определён архетип казачьего хуторского мира на Кубани;

7) аргументирована стратегическая социальная практика поселенческого миромоделирования имперскими и региональными властями присоединённой к России по результатам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. территориальной полосы Восточного Причерноморья, со временем ассоциированной в рамках одного российского исторического региона Кубани, когда ключевыми сюжетами поселенческого обустройства являлись укрепление Черноморской береговой линии и водворение группы станиц Закубанского поселения, где отчётливо прослеживались казачьи поселенческие модели и где наличествовала характерная культура повседневности;

8) репрезентировано авторское понимание исторической ретроспективы социальной трансформации кубанских поселений на фоне административно-территориальных преобразований во второй половине XIX – начале XX вв., когда поселенческие структуры выступали источниками социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани; выявлены варианты сохранения традиционных ценностей и распространения модернизационных веяний в региональном поселенческом пространстве; показаны коллизии функционирования социальных дискуссионных панелей, в том числе институционализированной площадки «казаки и иногородние: против/вместе».

Положения, выносимые на защиту:

1. Детальный анализ аккумулированных исторических источников и историографических фактов позволил сформулировать положения авторской концепции исторических поселений, суть которой заключается в утверждении поселенческих структур в качестве базисных источников социокультурного развития исторического региона Кубани и основы генезиса культуры повседневности поселенческих сообществ казаков-переселенцев. Ключевые положения концепции также раскрываются через авторский категориально-понятийный аппарат (в том числе, дефиниции куреня, станицы, хутора, и др.).

2. На протяжении большей части имперского периода формирования и существования кубанского казачества, вплоть до последней четверти XIX в. черноморские казаки упорно отстаивали в публичном пространстве своё исконное право на пожалованные им за государственную службу в «вечное владение» земли вольной Черномории. Упорядочивание процесса межевания земель и системы землепользования, проведение войсковой реорганизации постепенно сблизили две базисные части кубанского казачества: черноморское и линейное. Развёртывание поселенческого обустройства с использованием традиционных процедур позволяло казакам сохранять культуру повседневности, выработать варианты рационального природопользования, приспособить изначальные (до переселения на Кубань) приёмы и навыки землепользования к местным условиям, сформировать культуру кубанского земледелия, закрепить историческую преемственность для казаков в землевлaдении на территории Кубанской области.

3. Поселения черноморских и линейных казаков в исторической повседневности Кубани конца XVIII – начала XX вв. прошли относительно длительный процесс эволюции, в ходе которого наблюдается смена форм поселенческих структур (слободки, укрепления, куренные селения, станицы и т.д.), и, в конце концов, системообразующая роль переходит к станицам и хуторам. Каждая из форм поселенческих структур не только может быть обозначена в понятийном

плане авторской дефиницией, но и прошла свой исторический путь, причём, большинство этих форм сохранились в социальной реальности, или же существовали и существуют как образ коллективной памяти кубанского казачества (коммеморативные практики), как например, курень. Для поселенческого обустройства присущи определённые коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани.

4. В пространственно-временном континууме исторического региона Кубани казачьи поселения выступают фундаментальным основанием формирования и развития человеческого потенциала, социальной устойчивости, хозяйственно-экономической эволюции, сохранения культурного многообразия, репрезентацией проживаемой исторической эпохи. Вызовы геополитического и военно-хозяйственного характера сделали изначально казачьи поселения военизированным образованием, но вместе с трансформацией исторической ситуации казачьи поселения способствовали раскрытию потенциала казачьего сообщества во многих сферах. Поселенческие структуры у черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев в процессе социальной трансформации, хотя и заметно отличались между собой, но в тоже время обладали общими чертами, характеризующими культуру повседневности на Кубани.

5. Массовое строительство и укрепление новых станиц в Закубанском крае связано с третьим этапом переселения и освоения закубанских территорий в условиях завершения длительной Кавказской войны. Полноценное осмысление этого процесса невозможно без исторической реконструкции параллельно или на шаг–два вперёд создававшейся сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае. Эта сеть складывалась и развивалась трудами казаков и нижних чинов русской армии при коадаптации имперского управленческого комплаенса. Кордонные линии служили базисными военно-хозяйственными конструкциями при освоении казачеством недавно присоединённых российских территорий, водворении новых казачьих поселений и формировании культуры общеказачьей (для разных групп казаков-переселенцев) повседневности в Закубанье, причём, сложившийся архетип поселения линейных казаков получил здесь наибольшее распространение. Военно-административный характер первичного массового заселения территории Закубанья сохранялся и в течение следующего этапа 1864–1870 гг., но этот процесс уже переходит под контроль наказного атамана Кубанского казачьего войска и войсковой администрации Кубанской области. Одновременно начинается постепенное свёртывание системы военно-гражданского управления станичной жизнью, происходит ликвидация региональных и внутренних кордонных линий, осуществляется переход на самоуправленческие начала местной жизни. Именно сформировавшемуся кубанскому казачеству принадлежит ведущая роль в заселении новых российских территорий и создании системы кордонных линий, обеспечивавших надёжное прикрытие государственных границ Российской империи, проводившей активную геополитическую игру в историческом макрорегионе Кавказа.

6. Топохронная эволюция казачьих хуторских поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв. обусловила превращение хутора в актуальную хозяйственную и поселенческую структуру. Как самодостаточная форма поселения, он позволил в полном масштабе реализовать изначально заложенные в самой хуторской

системе исторические преимущества материально-экономического, агротехнического и социально-хозяйственного порядка. Кубанский хутор сохранил в качестве первоосновы два основных элемента казачьей земельной идеологии – землю и волю в их казачьем понимании. В условиях переселения на новые земли хутор обеспечил широкий простор казачьей индивидуальности, что нашло своё отражение в складывавшейся кубанской топонимике. Хуторская система расширила возможности для внедрения агротехнических новшеств и проявления хозяйственной инициативы казаков-переселенцев, порой переходившей разумные рамки и вызывавшей беспокойство войсковых властных структур. Эта система подтвердила историческую правомерность мироустройства поселенческой модели хутора и устойчивость архетипа казачьего хуторского мира на Кубани.

7. Стратегическая социальная практика поселенческого миромоделирования имперскими и региональными властями присоединённой к России по результатам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. территориальной полосы Восточного Причерноморья, со временем ассоциированной в рамках одного российского исторического региона Кубани, была направлена на закрепление этого приморского пространства за Россией. Хозяйственное обустройство причерноморских станиц в различных исторических формах выступало залогом жизненного благополучия казаков, однако, далеко не все усилия властей оказались продуктивными. Зачастую затраченные средства практически не приносили ожидаемого результата, и Черноморское побережье ещё долго оставалось пустынным, несмотря на самые разные способы привлечения переселенцев. Имперские власти пытались решить эту насущную проблему преимущественно административно-территориальными преобразованиями. Ключевыми сюжетами поселенческого обустройства являлись укрепление Черноморской береговой линии и водворение группы станиц Закубанского поселения, где отчётливо прослеживались казачьи поселенческие модели и где наличествовала характерная культура повседневности. Кроме того, в причерноморских поселениях имела место успешная местная система хозяйствования неказачьих слоёв населения, которая является предметом самостоятельного исследования.

8. Проанализированная историческая ретроспектива трансформации кубанских поселений на фоне административно-территориальных преобразований во второй половине XIX – начале XX вв. показывает, что поселенческие структуры выступали источниками социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани. Поселенческое обустройство на Кубани демонстрировало уникальные социальные практики успешного решения казаками различных материально-хозяйственных, архитектурно-строительных, миграционных, военно-организационных и нормативно-правовых проблем в процессе формирования, трансформации и утверждения казачьего поселенческого уклада. При этом существовали разные варианты сбережения традиционных ценностей и распространения модернизационных веяний в региональном поселенческом пространстве, что обусловлено культурно-этническим своеобразием самого кубанского казачества, сохранившего в повседневных практиках значимые пласты этнической культуры (традиционная обрядность, социальные структуры, навыки хозяйственной деятельности и т.д.). В коммуникативных диапазонах различных форм поселений исторического региона Кубани особую актуальность приобрели

социальные дискуссионные панели, прежде всего, функционирование наиболее значимой для Кубани институционализированной площадки «казаки и иногородние: против/вместе». Этим взаимоотношениям присущи глубина и многослойность, в них выражаются как глобальные, так и предельно частные, в том числе индивидуальные, мотивы и ракурсы.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация выполнена в рамках паспорта научной специальности 5.6.1. – Отечественная история, и её содержание соответствует следующим направлениям исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 6. История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие её вооружённых сил на различных этапах развития; 15. Исторический опыт российских реформ; 18. Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества; 19. История развития российского города и деревни.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация позволяет углубить знания о культурно-историческом пространстве казачьих поселений исторического региона Кубани, в том числе, об архетипе казачьего хуторского мира, предложить концептуально-теоретические модели познания исторической повседневности поселенческих образований, усовершенствовать категориально-понятийный аппарат и дать развёрнутые определения таких понятий как «курень», «станция», «хутор» и др.

Исследование формирует научные представления о становлении региональной земледельческой культуры, оптимальных способах решения вопросов землепользования и землевладения, о выработке вариантов рационального природопользования. Диссертация позиционирует казачьи поселения как целостную военно-административную, хозяйственно-культурную и духовно-нравственную систему в пространственно-временном континууме исторического региона Кубани конца XVIII – начала XX вв., что задаёт базисные направления для развёртывания дальнейших научных изысканий. Полномасштабная историческая реконструкция сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае является инновационным научным достижением в историографии, позволяющим по-новому взглянуть и иначе интерпретировать многие сюжеты истории кубанского казачества имперского периода. А доказательство положения о поселенческих структурах как драйверах социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани повышает значимость целевых программ регионального развития, принимаемых в наши дни. Исторический опыт функционирования социальных дискуссионных панелей в изучаемом российском регионе, в том числе, институционализированной площадки «казаки и иногородние: против/вместе», подтверждает важность своевременного поиска путей разрешения конфликтных ситуаций в публичном пространстве во избежание негативных общественно-политических последствий.

Практическая значимость исследования. Проведённый источниковедческий анализ архивных материалов из 10 архивохранилищ с учётом методики полного атрибутирования архивных фондов и архивных дел не только впервые вводит в научный оборот новые конкретно-исторические свидетельства, но и представляет исходную научно-информационную платформу для широкого круга исследователей по ведению научного поиска по проблемам общероссийской и региональной истории. Изученные в диссертации коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани, включая Закубанский край, многообразие форм казачьих поселений, общие и особенные черты генезиса поселенческих структур у черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев формируют историко-пространственное понимание казачьего мира Кубани, брендинг которого необходимо для коммеморативных практик и для развития культурно-исторического туризма.

Материалы исследования могут быть также использованы при проведении учебных занятий в образовательных организациях высшего образования, реализующих образовательные программы с использованием исторических и традиционных ценностей российского казачества, по курсам «Историческое краеведение» и «История Кубани»; могут быть включены в содержательные блоки учебно-методических пособий и рабочих программ «казачьих» университетов по истории казачества. Содержание, основные положения и выводы могут быть применены при проведении учебных занятий и для осуществления внеклассной воспитательной работы в муниципальных образовательных организациях (средних школах) со статусом «казачья организация», казачьих классах, казачьих кадетских корпусах, профессиональных образовательных организациях со статусом «казачьи» и представляют интерес при чтении специальных курсов лекций по истории казачества и региональной истории в учреждениях дополнительного образования и в процессе реализации дополнительных образовательных программ и услуг в интересах личности, общества, государства, осуществляемых общественными организациями, например, российским обществом «Знание». Тем самым, речь идёт о выработке и совершенствовании механизмов утверждения в казачьих регионах российской идентичности и гражданского согласия многонационального народа Российской Федерации.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы 60 работ общим объёмом 133,6 п.л. Из них – 5 монографий (в т.ч. 2 в соавторстве, 1 коллективная), 16 научных статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук, 4 публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science, Scopus), 35 публикаций в журналах, входящих в национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ) и включённых в эту базу сборниках международных и всероссийских научных и научно-практических конференций и научных форумов.

Отдельные результаты и выводы диссертации получены в ходе работы над научным проектом, реализованным при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ): грант Российского научного фонда № 22-28-00330

(<https://rscf.ru/project/22-28-00330/>) «Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания», в т.ч. издана авторская монография «Поселенческая повседневность черноморских казаков».

Концепция работы и основные положения диссертационного исследования обсуждены и диссертация рекомендована к защите на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура диссертационного исследования. Структура исследования имеет проблемно-хронологический характер и предопределена целью и задачами диссертации. Работа состоит из введения, 6 глав, разделённых на 18 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений, содержащих таблицы и иные дополнительные материалы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснованы актуальность темы, хронологические и территориальные рамки; определены объект и предмет исследования, степень разработанности рассматриваемой научной проблемы, цель и задачи работы, теоретико-методологическая и источниковая основы исследования; выделены научная новизна и положения, выносимые на защиту; аргументировано соответствие диссертации паспорту научной специальности; сформулированы теоретическая и практическая значимость; изложена апробация положений и выводов исследования; дано краткое содержание структуры работы.

В первой главе «Историография, источники и методология исследования исторических поселений казаков Кубани» проведён историографический анализ наличествующих научных работ по заявленной теме исследования, установлена характеристика и интерпретирован комплекс источников, обоснована теоретико-методологическая база работы. В результате очерчена совокупность (в том числе, с учётом впервые вводимых в научный оборот архивных дел с полным атрибутированием) исторических и историографических источников, позволивших выявить базисные концептуально-теоретические модели познания избранной темы, а, главное, выработать авторскую концепцию исторических поселений, аргументировать собственный категориально-понятийный аппарат для устранения обнаруженных лакун и недостаточно изученных исторических сюжетов в историографии научной проблемы, определить оригинальные дефиниции при исследовании поселенческого обустройства и повседневности черноморского и линейного казачества в историческом регионе Кубани.

В первом параграфе первой главы «Проблема поселенческого обустройства на казачьих территориях Кубани в историографии: научные подходы, этапы, тенденции развития» оценена степень научной разработанности темы. Основное внимание сосредоточено на выявленных этапах в историографии проблемы с упоминанием имён наиболее авторитетных исследователей, указанием на неизученные и/или недостаточно исследованные исторические сюжеты, что позволило задать направления авторского научного поиска. Весь же

комплекс задач историографического анализа решается в первой главе диссертации¹.

Автором выделяются три качественно различных хронологических этапа в историографии проблемы: 1) имперский; 2) советский; 3) современный.

Первый, имперский этап (до начала 1920-х гг., когда ещё творили исследователи прежних времён) – этап первичного сбора сведений и систематизации знаний о поселенческих образованиях. Тогда появились первые публикации, подготовленные современниками и свидетелями возникновения казачьих поселений, отчасти даже участниками многих событий в заселении Кубани. Заметный след в изучении поселенческих образований оставили такие исследователи как И.Л. Дебу, А.М. Туренко и Я.Г. Кухаренко, И.Д. Попко, Ф.А. Щербина, И.В. Бентковский, Е.Д. Фелицын, П.П. Короленко и др., произведения которых можно рассматривать и как исторические источники. Но одним из первых историков следует считать Д.А. Арцыбашева, не издавшего больших трудов².

К ранним повествованиям о жизни черноморских казаков относятся записки о Черномории И.М. Сбитнева³. Богатое творческое наследие накопил первый секретарь Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын, а среди его трудов надо выделить «Списки населённых мест Кубанской области по сведениям 1882 г.»⁴. Фолианты по историческому краеведению Кубани создал земский статистик и общественный деятель Ф.А. Щербина⁵. В целом, работы имперского периода есть исключительный факт историографии, а многие авторы являлись участниками описываемых событий, их работы – это источник ценнейших сведений о природно-климатических, военно-политических, культурных процессах освоения и заселения территории Кубани. Базисной историографической тенденцией стал сбор конкретно-исторических свидетельств.

Второй, во многом политизированный и идеологизированный, советский этап охватывает историческое время, отсчитывая с начала 1920-х гг. и на всём протяжении социалистического прошлого государства до начала 1990-х гг. Это этап экономической детерминации и политизации знаний о поселенческих структурах на Кубани, когда историко-культурные вопросы и сюжеты повседневности отходили на второй план. Тем не менее, не стоит отрицать заслуг исследователей советского периода по накоплению объёма познавательного контента о поселенческих образованиях и его дифференциации в рамках концептуально-когнитивных структур, нередко выходивших за пределы марксистской парадигмы. Следует выделить труды: И.Е. Гольдентула, И.М. Клейнера, И.А. Колюкова, М.И. Лолы, С.А. Скворцова, В.П. Ставского, В.А. Голобуцкого, А.В. Фа-

¹ Полное библиографическое описание произведений авторов, рассматриваемых в настоящем кратком историографическом обзоре, приводится в списке использованных источников и литературы, прилагаемом к тексту диссертации.

² Арцыбашев Д.А. Письмо из-за Кубани // Северный Меркурий. СПб., 1831. Т. 111. № 52. 1 мая. С. 209.

³ Сбитнев И.М. Воспоминания о Черномории // Украинский журнал. Харьков, 1825. № 11–12. Ч. 6. С. 310–340.

⁴ Фелицын Е.Д. Списки населённых мест Кубанской области по сведениям 1882 г. Тифлис, [1883]. В 2-х т.

⁵ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Екатеринодар, 1913.

деева, С.А. Чекменёва и др. В рамках анализируемого этапа историографии выделим три периода: 1) 1920-е – начало 1930-х гг.; 2) начало 1930-х гг. – 1960-е гг.; 3) 1970-е – 1980-е гг.

В публикации И.Е. Гольдентула¹ чётко обозначается социально-классовый антагонизм между казаками и иногородними, а также рассматривается проблема взаимоотношений казачьих общин с хуторами. Преемником запорожского зимовника называл черноморский хутор В.А. Голобуцкий², труд которого содержит массу интереснейших исторических свидетельств. Глубоким социально-экономическим анализом отличается работа С.А. Чекменёва³. В целом же, советский период историографии имел существенное значение в плане накопления знаний о развитии поселенческих структур, аккумуляции конкретно-исторических материалов о поселениях кубанских казаков и анализа их развития в рамках марксистско-ленинской методологии. Круг исследуемых проблем к концу периода значительно расширился, но основное внимание сосредотачивалось на аграрной эволюции сельского социума и социалистических преобразованиях поселенческих пространств. Базисная тенденция заключалась в переходе от социально-классовых оценок к этнографическому описанию поселений.

Третий, современный (постсоветский) этап, начинающийся в 1990-е гг. и продолжающийся до настоящего времени, – этап новых исследований о казачестве и его роли в истории России, этап научных проектов, выполняемых, как правило, на мультипарадигмальной основе. В центре внимания историков оказываются и поселенческие структуры как предмет самостоятельного исследования. Публикации последних лет посвящаются осмыслению исторической роли и значения поселений, отдельным вопросам истории населённых пунктов. Такие исторические сюжеты можно встретить в трудах О.В. Матвеева, В.Н. Ратушняка, Б.А. Трёхбратова, В.А. Колесникова, А.П. Скорика, С.В. Самовтора, Б.Е. Фролова, Е.Е. Хеймана, Н.Б. Акоевой, Н.И. Бондаря, Л.В. Бурыкиной, Ю.Ю. Клычникова, Д.С. Ткаченко и др.

Исторический генезис кубанского казачества в длительной ретроспективе (конец XVIII – начало XX вв.) рассмотрел О.В. Матвеев⁴. Огромный объём работы по обобщению истории станиц Ставрополя проделал В.А. Колесников⁵. В новом ключе раскрыт исторический портрет графа Н.И. Евдокимова в монографии Ю.Ю. Клычникова⁶. О переселении Черноморского казачьего войска на

¹ Гольдентул И.Е. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк. Репринт. изд. 1924 г. Краснодар, 2009.

² Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 268.

³ Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX вв. Пятигорск, 1967.

⁴ Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005; и др.

⁵ Колесников В.А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). М., 2012.

⁶ Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск, 2019.

Кубань пишет Б.Е. Фролов¹. Военных кавказоведов Российской империи палитрой биографий представили Т.А. Колосовская и Д.С. Ткаченко². Базисная тенденция историографии состоит в переходе от исторического краеведения к проблемно-хронологическому осмыслению отдельных исторических сюжетов.

Перечисленными выше изданиями не исчерпывается историография проблемы, ибо речь идёт о сотнях авторских и коллективных работ, отчасти раскрывающих вопросы об исторических формах поселений и поселенческой повседневности казаков-переселенцев в исторический регион Кубани. Но в этом кратком обзоре общие историографические тенденции обозначены, направления авторского осмысления степени научной разработанности темы прояснены.

На фоне заново переосмысленных и ранее неизученных проблем научного дискурса, охватывающих историю кубанского казачества, исследования, затрагивающие проблематику формирования и жизнедеятельности поселенческих образований кубанских казаков, пока носят разрозненный, фрагментарный характер. Поэтому настоящее диссертационное исследование призвано сформировать целостное историческое представление о поселенческих структурах как полифункциональных социальных образованиях на Кубани с детерминирующей и преобладающей казачьей повседневностью существования и развития поселений, а, соответственно, восполнить существующие в историографии лакуны. К числу таких лакун, в частности, относятся:

– межевание (с использованием традиционных и практически повседневных казачьих процедур) пожалованного за государственную службу имперскими властями и осваиваемого казаками земельного пространства под устройство изначальных поселений и коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани;

– многообразие форм казачьих поселений в исторической повседневности Кубани с выявлением и установлением понятийных смыслов в рамках вероятностного наличия вариантов исторической интерпретации, в том числе, в отношении ранее употреблявшихся в исторических исследованиях дефиниций;

– синхронизация трактовок исторических процессов генезиса черноморского и линейного казачества, создававшего различные по своим историческим характеристикам, но в большей мере одинаковые по форме поселения;

– полномасштабная реконструкция сети региональных кордонных линий, служивших опорными военно-хозяйственными конструкциями для водворения новых казачьих поселений и торжества казачьего мира на Кубани;

– топохронная эволюция казачьих хуторских поселений и хозяйственно-культурный уклад повседневной жизни хуторян Кубани.

Во втором параграфе первой главы «Источниковая база исследования государственной поселенческой и переселенческой политики в Южном историческом регионе в конце XVIII – начале XX веков» определена характе-

¹ Фролов Б.Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. Краснодар, 2005.

² Колосовская Т.А. Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX в. Дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2017; Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь, 2021.

ристика и интерпретирован комплекс письменных исторических источников, которые по базисному дихотомическому критерию делятся на два основных типа: опубликованные и неопубликованные.

При разработке источниковой базы исследования учитывалась необходимость обеспечения актуального в современном российском источниковедении видового разнообразия исторических источников, делалась опора на принципы репрезентативности, целесообразности и дополнительности аккумулируемого информационного контента, на инновационный характер привлекаемых исторических источников. Такие подходы к источниковой базе позволили гарантировать достоверность используемых данных, подобрать разумное количество исходных материалов для исследования, сделать историописание более многообразным и насыщенным конкретно-историческими свидетельствами, вызывающими интерес не только научного сообщества профессиональных историков, но и многочисленных любителей истории.

Первостепенное внимание уделялось неопубликованным историческим источникам, прежде всего, архивным материалам. Ценнейшие исторические свидетельства выявлены и получены в следующих 3 федеральных архивах: в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ); в обозначенных далее 4 региональных архивах Северного Кавказа: в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), в Национальном архиве Республики Адыгея, в Государственном архиве Карачаево-Черкесской Республики (ГАКЧР). Редкие исторические сюжеты обнаружены в фондах 3 муниципальных архивов Краснодарского края: в муниципальном казённом учреждении муниципального образования Ейский район «Архив» (МКУ МОЕРА), в Архиве муниципального образования «Ленинградский район» (АМОЛР), в Управлении архива муниципального образования «город Новороссийск» (УАМОГН). В целом же, привлекались для работы над разными сюжетами диссертационного текста архивные материалы из 10 различных архивохранилищ в общем объёме 65 фондов и 344 архивных дел.

Использованы неопубликованные исторические источники из 3 *региональных музеев* Краснодарского края: Геленджикского историко-краеведческого музея (в частности, материалы по истории Черноморской береговой линии); Старощербиновского историко-краеведческого музея имени М.М. Постернак (билет казаку Щербиновского куреня Матвею Ломаке на право владения хутором (1815 г.), выданный Черноморской войсковой канцелярией); Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына (документы о переселении казаков в Закубанье).

Первую группу опубликованных исторических источников составили нормативно-правовые акты имперских инстанций из фундаментального издания Полного собрания (1-го, 2-го, 3-го) законов Российской империи (ПСЗРИ). Они

содержат интересные сведения об образовании новых станиц и их наименовании, а также управленческие распорядительные указания по организации поселений, позволяющие уточнить разнообразную информацию¹.

Макрорегиональные и войсковые документы (2-я группа опубликованных источников) представляют собой комплекс однопорядковых делопроизводственных артефактов Кубанской области и документов, обобщённых на макрорегиональном уровне (например, командующего правого фланга Кавказской линии). Сюда относятся: записки, обзоры (выполненные по административному поручению), отчёты начальников Кубанской области и наказных атаманов Кубанского казачьего войска и пр., являющиеся недостаточно изученным видом исторических свидетельств. В них представлены статистические сведения о населении кубанских станиц, о хозяйственных занятиях жителей поселений, ежегодные сводные данные о количестве скота, посевных площадях, наличии разного рода строений, состоянии хозяйства, иная ценная информация.

Особый научный интерес представляют сборники документов, составлявшиеся отдельными энтузиастами. Так, в четырёхтомном издании офицер Кубанского войска, действительный член Кубанского областного статистического комитета И.И. Дмитренко собрал архивные материалы по истории Кубанского казачьего войска, включающие копии документов из архивов Главного штаба, Кубанского и Терского войск XVIII – XIX вв., копии бумаг известных государственных деятелей и военачальников.

Справочно-информационные издания выходили в Екатеринодаре, Ставрополе, Тифлисе. Это «Памятные книжки Кубанской области», «Кубанские календари», «Кубанские сборники», «Кавказские сборники». В них публиковались материалы по истории отдельных населённых пунктов. Здесь же находим ценнейшие сведения по истории Кубанского казачьего войска и получаем с помощью сборников доступ к многочисленным аналитическим и статистическим обзорам Кубанской области. Иногда справочно-информационная литература выходила отдельными изданиями в виде брошюр, превращаясь в авторское произведение с раскрытием интересного исторического сюжета. Среди таких изданий можно выделить брошюру И.Ф. Миронова «Станица Северская Екатеринодарского отдела Кубанской области», опубликованную к пятидесятилетнему юбилею станицы и содержащую исторические свидетельства о станице.

В качестве исторического источника справочно-информационного характера следует отметить сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК), который издавало в период с 1881 по 1913 гг. Управление Кавказского учебного округа в Тифлисе. СМОМПК имеет большое познавательное значение, поскольку в нём публиковались материалы и описания станиц, краткие исторические сведения о станицах, хуторах, данные о населении, занятиях, праздниках и т.д.

Важным историческим источником выступают материалы периодической печати имперского периода истории. Ценные данные по исследуемой теме содержатся в газете «Кубанские областные ведомости», считавшейся главным печатным органом Кубанского казачьего войска с 1863 по 1917 гг. На её газетных

¹ Полное библиографическое описание опубликованных источников приводится в списке использованных источников и литературы, прилагаемом к тексту диссертации.

полосах располагались материалы официальной и неофициальной частей, а в последней – очерки, рассказы, статьи о поселениях. Вызывают интерес публикации частной газеты «Северный Кавказ». В рубрике «Сведения о Кубанской области» помещались повествовательные материалы об истории заселения, землеустройстве, культуре повседневности в поселениях кубанских казаков.

Эго-свидетельства различных по социальному происхождению россиян, подданных Российской империи, представляют собой заметно отличающиеся по форме авторские произведения, и, строго говоря, их нельзя отнести к документальным артефактам, но их объединяет одно важное обстоятельство – всё это исторические источники личного происхождения (мемуары, записки и воспоминания современников, и т.д.). Среди эго-свидетельств встречаются: расширенный эпистолярный, классические военные мемуары, художественная документалистика, исследовательские обобщения и пр.

К числу таких исторических источников можно отнести мемуары генерала от кавалерии С.А. Венеровского, воспоминания русского военного историка и теоретика, российского геополитика, военного министра Российской империи, генерал-фельдмаршала, графа Д.А. Милютина, военного писателя, генерала от инфантерии М.Я. Ольшевского, русского путешественника и военного географа, генерал-майора М.И. Венюкова.

Следует отметить ряд работ по истории Кубани имперского периода, носящих источниковедческий характер. Так, приписной казак-линеец, офицер-пластун, Георгиевский кавалер А.И. Шпаковский опубликовал в журнале «Военный сборник» Военного министерства Российской империи «Заметки старого казака», переизданные в наше время, где он дал описание Лабинской кордонной линии, а также характеристику её укреплений и станиц. Войсковой архивариус Кубанского казачьего войска, полковник И.И. Кияшко, помимо ряда авторских сочинений, приложил немало усилий для сбережения войскового архива в смутные времена Гражданской войны и первых лет советской власти, и эти спасённые бесценные материалы составляют сегодня основу архивной коллекции Государственного архива Краснодарского края по дореволюционному периоду истории Кубани. Богатое творческое наследие оставил историк Кавказской войны, мемуарист и писатель А.Л. Зиссерман. Его перу принадлежит ряд путевых очерков, в том числе, очерк «Путешествие на Кубань».

Немалый интерес представляют записки иностранных путешественников и учёных – это произведения целого ряда исследователей, изучавших Кавказ в середине и во второй половине XIX в. К ним относятся такие личности как: П.С. Паллас, Э.Д. Кларк, Ф. Дюбуа, М. Вагнер, Д.У. Фрешфилд и др. Особо подчеркнём, что большинство авторов сохранили благоприятные впечатления о казаках и их поселениях.

В целом, как показал источниковедческий анализ, кубанские казачьи поселения на протяжении достаточно длительного исторического периода успешно реализовывали изначально заложенный в них военно-организационный, политико-административный и хозяйственно-культурный потенциал. Источники отражают многообразную историю трёх хронологических периодов: заселения территории исторического региона Кубани, становления и трансформации поселенческих структур, прежде всего, казачьих хуторов и станиц.

В третьем параграфе первой главы «Концептуально-теоретические модели и категориально-понятийный аппарат изучения поселенческого обустройства казаков Кубани и Черноморья» применена признанная наиболее эффективной в современной историографии мультипарадигмальная исследовательская стратегия, когда используются различные подходы к познанию прошлого, к исследованию исторических форм поселений и поселенческого уклада казаков-переселенцев в конце XVIII – начале XX вв., а также обосновывается авторская концепция исторических поселений, формирующая в диссертационном поле историко-пространственную парадигму «казачий мир Кубани». Отсюда возникает необходимость в собственном категориально-понятийном аппарате для изучения поселенческого обустройства и поселенческого уклада казаков Кубани и Черноморья, основанном на фундаментальных принципах исторического познания – объективности, системности, историзма, конкретности и альтернативности, заявленных при общей характеристике диссертации.

Исследование выполнено в рамках перспективной отрасли исторического знания, получившей в современной историографии наименование истории повседневности, методологически обоснованной французским историком Ф. Броделем, австрийским социологом и философом А. Шюцем, российским историком Н.Л. Пушкарёвой и другими авторами. В российской исторической науке существует двойное понимание истории повседневности: *во-первых*, как реконструирующей ментальный макроконтекст событийной истории; *во-вторых*, как реализации приёмов микроисторического анализа. Мы склонны придерживаться второго направления теоретико-методологической интерпретации истории повседневности. Среди авторов, обращающихся к казачьей повседневности, заслуживают внимания труды Е.В. Годовой, Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева и др. В частности, О.В. Матвеев пишет о существовании на уровне коллективного сознания исторической картины мира кубанского казачества, которая становится реконструирующим ментальным макроконтекстом событийной истории.

Не менее важным концептуальным основанием является антропосоциокультурный подход, обоснованный членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным. Парадигма антропосоциокультурного подхода применительно к анализу повседневности казачьей жизни выработана в трудах А.П. Скорика и Е.В. Годовой. Они заложили основу всестороннего изучения повседневности труда и быта, поселенческого уклада казачьей станицы.

Актуальны для исследования методологические позиции географического поппозитивизма (А.И. Воейков, П. Видаль де ла Блаш и др.), поскольку история повседневности включает в себя самый широкий круг подходов к изучению макро- и микросреды обитания (природа, город, станица, жилище). Речь идёт об освоении исторической территории Кубани казачеством, использовании природных ресурсов обширных горно-лесистых пространств Закубанья, и т.д.

В качестве методологической основы при рассмотрении проблемы генезиса казачьих поселений исторического региона Кубани привлечена теоретическая платформа «новая локальная история» (Л.П. Репина, Т.А. Булыгина, С.И. Маловичко и др.). Она трактуется её приверженцами как «микросообщество», совокупность людей, осуществляющих определённую историческую деятельность. Базо-

выми конструктами «новой локальной истории» признаются социальная роль индивидуума и стереотипы поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства.

Формирование исторических поселений объясняет теория южнорусского фронта (Ю.А. Мизис, О.В. Скобелкин, А.И. Папков и др.), учитывающая приграничное положение исторического региона Кубани. Казачьи поселения выполняли охранительную функцию и считались фронтиром для южных рубежей Российской империи. Можно согласиться с Томасом Барреттом (применившим теорию фронта по отношению к терским казакам), утверждавшим, что понять историю южнорусского фронта, понять подлинное присоединение Кавказа к России можно, заглянув лишь за военные линии, обратившись к взаимоотношениям и передвижениям людских потоков, шедших через Северный Кавказ, причём, не только во время войны, но и во время мира, в повседневности.

По мнению нашего научного консультанта А.П. Скорика, поселенческий уклад выступает для Кубани традиционным автохтонным социальным институтом, во многом заимствованным у запорожцев и донцов, уникальной формой самоорганизации жизнедеятельности казаков, фундирующей колоссальный историко-культурный потенциал территории Кубани. Развивая эти идеи и постулаты о казачьем поселенческом укладе на Кубани, мы предлагаем в качестве базисного элемента теоретико-методологических построений диссертации авторскую концепцию исторических поселений, образующую в исследовательском поле историко-пространственную парадигму «казачий мир Кубани».

Взгляд на поселенческий уклад кубанских казаков под углом зрения авторской концепции предполагает выявление круга проблем, связанных с освоением исторического региона Кубани и обоснованием характерных моделей образа жизни казаков. Поселенческий уклад подразумевает использование казаками вполне определённой планировочной структуры поселения, парцелляцию земельных участков, ведение привычной для казаков застройки, возведение технологически отработанных типов жилищ, учёт ландшафта данной местности, а также иные, нематериальные характеристики казачьего поселения, дополняющие его традиционный архитектурно-художественный колорит, и в совокупности своей указывающих на детерминирующие антропологические признаки данной формы поселения. Устойчивое развитие исторического поселения кубанского казачества предопределяется степенью соответствия времени и месту его возникновения, способностью адаптации исторического поселения к новым условиям, и здесь неизбежно применение факторного анализа с выявлением исходного импульса военного, экономического, социального и иного порядка, стимулировавшего рост и укрепление казачьего поселения на Кубани. При этом «казачий мир Кубани» отнюдь не локальный мир, ибо в условиях традиционного (аграрного) общества в конце XVIII – начале XX вв. он охватывает огромное культурно-историческое пространство. Само пространство расширяется и включает все казачьи районы Юга России, макрорегиона значимого сегодня для нашей страны, и посему очень важно сохранить культурные ландшафты исторических поселений.

Изучение поселенческого уклада кубанских казаков и исторических форм поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв. потребовало применения разнообразных методов исследования. Используются общенаучные методы

(анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование) и специальные методы социальных и гуманитарных наук: системный, деятельностный, аксиологический (нормативно-ценностный), структурно-функциональный, антропологический, институциональный, социального моделирования. Применены методы, апробированные в исторических трудах: историко-типологический, статистический, герменевтический, а также оригинальные, к примеру, планиграфический. Внедрены авторские методики исследования, в частности, контент-анализа, но не в привычных количественных измерениях, а в качественных характеристиках текстовых массивов: поиске исторических смыслов, логически вытекающих подтекстов, неизбежных интерпретационных коллизий, особенностей изложения исторических фактов, текстовых парадоксов, параллельных трактовок в разных текстах одних и тех же исторических событий и явлений.

Собственный категориально-понятийный аппарат исследования включает авторские дефиниции следующих понятий: казачья слободка, курень, заимка, зимовник, кош, станица, хутор, в отношении которых осуществлён отдельный источниковедческий и историографический анализ. Это позволило усилить исходные теоретико-методологические позиции соискателя.

Во второй главе «Освоение земель, расселение и устройство поселений черноморских и линейных казаков в конце XVIII – первой трети XIX вв.» базисной научной проблемой стало водворение казаков в историческом регионе Кубани, и для её решения проанализирован процесс межевания осваиваемых земель и складывавшиеся поземельные отношения черноморских и линейных казаков. Глубинное понимание земельного вопроса неизбежно подводит к объяснительным сюжетам о первых формах казачьих поселений, выбор и смена которых отражали взгляды казаков на поселенческое обустройство, соответствующее времени и месту, а также военно-политической ситуации, особенно сильное влияние оказывавшей на поселенческую повседневность линейцев.

В первом параграфе второй главы «Межевание земель и поземельные отношения на территории исторического региона Кубани» показано как казаки упорно отстаивали своё исконное право на пожалованные им в «вечное владение» Екатериной II (подтверждаемое последующими монархами) земли Черномории, боролись два года за межевые границы войска с использованием подкупа российских чиновников (к примеру, графа П.А. Зубова), а после образования Кубанского казачьего войска стремились закрепить историческую преемственность в землевладении на территории Кубанской области. Рубежным региональным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы землевладения и землепользования, стал «Порядок общей пользы», составленный к началу 1794 г. и определявший внутреннее устройство Черноморского казачьего войска.

12 апреля 1847 г. учреждается Межевая комиссия для определения на месте границ войсковых земель и внутреннего размежевания. Большое внимание поземельным отношениям уделял тогда пока ещё генерал-майор Г.А. Рашпиль. 12 (25) апреля 1847 г. утверждается «Положение о размежевании земель Черноморского казачьего войска». В результате межевания земель Черноморского казачьего войска выявились следующие их параметры: всех земельных угодий значилось 2842516 десятин 1407 саженьей, из них удобной земли – 2240591 десятин 1997 саженьей, неудобной земли – 601924 десятин 1810 саженьей.

Распределение земель осуществлялось согласно положению в служебной иерархии. В бывшем Черноморском казачьем войске в 1860 г. регистрировались: 673 духовных лица (по 90 десятинам на церковный причт 67 войсковым церквям), 3 генерала (по 1500 десятинам каждому), 106 штаб-офицеров (в чинах от войскового старшины до полковника; по 400 десятинам), 878 обер-офицеров (в чинах от хорунжего до есаула; по 200 десятинам), 39853 нижних чинов, 4735 малолеток 17-летнего возраста, 44056 лиц младше 17 лет (по 30 десятинам казакам и всем малолеткам). Итого: 90304 лиц мужского пола на 2855998 десятинам 1934 саженой земельной угодий. Проблема заключалась в том, что утверждённые нормативы надела-пая выполнить не получалось. Решение искали в регулировании земельного довольствия, прежде всего, за счёт простых казаков.

В Кубанском казачьем войске пришли к необходимости установления и нормативного закрепления пяти категорий земель при определении казачьего земельного надела-пая (16 десятинам; 17 ½; 21 ½; 26; 30), что и утвердил Военный совет. Переход на распределение земель по категориям не считался казаками идеальным вариантом и вызывал социальное недовольство, ярко проявившееся в Полтавской земельной стачке 1873 г. Одновременно в масштабах войсковой организации сформировалось три типа землевладения и землепользования: войсковые земли, земли станичных юртов и частновладельческие земли. Земельные угодья для различных войсковых надобностей ко второй половине XIX в. приобретают характер отдельного исторического сюжета о землевладении и землепользовании в Кубанском казачьем войске.

В условиях сокращения земельных угодий станичных юртов и свободных земель в Кубанском казачьем войске постоянно шли споры вокруг уменьшения или сохранения размера земельного довольствия казаков. Отчасти выход нашли в развёртывании переселения казаков из малоземельных станиц в многоземельные станицы на дополнительные наделы, чтобы довести до исконного уровня 30-тидесятиной пропорции, но переселенцы, как в станице Полтавской, радости не испытывали. В итоге система казачьего землевладения и землепользования в Кубанском казачьем войске, несмотря на все социально-экономические коллизии, складывается ко второй половине XIX в. и выступает базисным элементом поселенческого уклада кубанских казаков.

Второй параграф второй главы «Первые формы поселений черноморских казаков: слободки, курени, куренные селения» посвящён развенчанию устойчивого в общественном сознании и коммеморативных практиках исторического мифа, ассоциирующего в поселенческом отношении Кубань с куренями и станицами. Соискатель считает правомерной точку зрения Е.Д. Фелицына, Ф.А. Щербины, Б.Е. Фролова, В.И. Шкуро и других авторов о первичной форме поселений черноморских казаков в виде 24 казачьих слободок, среди них были: Алексеевка, Андреевка, Антоновка, Захаровка, Константиновка, Онуфриевка, Стояновка, Тимофеевка. Одновременно просторы Черноморья начала покрывать россыпь не поддающихся учёту частновладельческих хуторов (заимок) тех состоятельных и храбрых запорожцев-первооснователей, кто селился по «нраву вольной заимки» и никого об этом не спрашивал. Войсковые власти отстаивали куренный принцип заселения, поскольку куренные селения составляли

опору для доминирования панства (старшины) и реального закрепления имперского пожалования в «вечное владение» практически не размежёванных земель, причём, обосновывавшиеся куренные селения изначально назывались куренями. Процесс образования на землях Черномории по традиционной казачьей процедуре жеребьёвки 40 куреней (в среднем по 79720 десятин земельных угодий), прописанных в «Порядке общей пользы», утверждённом 1 января 1794 г., растянулся по разным причинам до конца XVIII в., а в отдельных случаях и позже, например, Новощербиновский курень оформляется только в 1821 г.

Изучение истории расселения куреней подтверждает параллельное развитие малых поселенческих форм: слободок, заимок, хуторов, зимовников. Зачастую курени обосновывались на местах, где ранее уже существовали малые поселения (к примеру, Пашковский курень водворился на месте слободки Захаровка), и нередко курени образовывали не одно, а два куренных селения, что сделали казаки Щербиновского куреня, или же многократно переселялись, как Мышастовский курень до 10 раз. В 1809 г. в официальных документах Черноморского казачьего войска отказываются от слова «курень» в названии поселений, и курени именуются куренными селениями. В плане объяснения причинно-следственных связей переименования соискатель поддерживает точку зрения Н.Ф. Бугая, что это обуславливалось ростом численности населения в куренях и расширением их хозяйственно-экономической деятельности.

Рыбный промысел, выпас скота и лошадей являлись уделом и основными хозяйственными занятиями казачьей сиромы – голытьбы. В этом случае поселения назывались рыбным заводом, а пастухи пристраивались обычно на частновладельческих хуторах. Каждый курень стремился организовать собственный куренной рыболовный завод, приносивший, помимо рыбы, немалые прибыли, шедшие на хозяйственно-экономическое содержание казаков, служивших на кордонных линиях, и на материальную поддержку нетрудоспособных казаков. К примеру, Каневской курень обзавёлся рыболовным заводом, расположившемся на Цокуровском лимане в центральной части Таманского полуострова.

Переселение на Кубань и расселение 40 куреней не решило проблему человеческого капитала, достаточного для освоения территории, несения воинской службы и укрепления поселений. Поэтому к 25 тыс. черноморских казаков в период с 1809 г. по 1826 г. (в основном в 1809–1811 гг. и в 1825 г.) переселили 80 тыс. душ обоёго пола малороссийских казаков Черниговской и Полтавской губерний. В 1848 г. прибыло ещё 2 тыс. казачьих семей. Подавляющая часть переселенцев осела в «старых» куренных селениях. Разнородная динамика развития куренных селений обусловила их слияние и переименование, но в новых названиях селений только отчасти учитывались старинные куренные прозвища. К примеру, Сосыкское селение стало теперь Павловским, а Чернопротоцкое получило название Петровского куренного селения.

1 июля 1842 г. император Николай I одобрил новое «Положение о Черноморском казачьем войске», и бывшие куренные селения превратились в станицы. В трёх утверждённых (с 1842 г.) округах Черномории в 1843 г. насчитывалось: Ейском – 19 станиц и 587 хуторов, Екатеринодарском – 20 станиц, 747 хуторов, Таманском – 20 станиц, 656 хуторов. Тем самым, курень как социально-экономическая система вначале заменил казачьи слободки, но сильно не противостоял

хуторам и иным мелким поселенческим формам (например, зимовникам, рыбным заводам), затем обеспечил рост куренных селений до уровня крупных кубанских станиц, базисных центров развития всей Черномории.

В третьем параграфе второй главы «Образование и укоренение поселений линейных казаков» доказывается характерный поселенческий алгоритм, когда возникновение поселения, его тип и форма предопределялись тремя существенными обстоятельствами: во-первых, военно-служебной необходимостью тактического порядка, во-вторых, личной волей кого-то из кавказских военных администраторов, в-третьих, повышением военно-стратегического значения участка укрепляемой российской границы. Отсюда формирование поселенческого уклада зависело от состава водворяемого переселенческого контингента, исторически получившего название линейных казаков, консолидировавшихся в Кавказском линейном казачьем войске. Часть казаков-линейцев позже стали неотъемлемой частью кубанского казачества, и они проживали в Баталпашинском, Кавказском, Лабинском, в части Екатеринодарского и Майкопском отделах Кубанской области, образованной в 1860 г.

Хронологически процесс активного заселения восточной части исторического региона Кубани связан со стремлением Кавказского генерал-губернатора, генерал-аншефа И.В. Гудовича в начале 1790-х гг. усилить Кубанскую линию вооружённым населением и устроить 12 новых станиц. Это обусловило переселение на Кубань донских казаков, а их сопротивление вылилось в Есауловский бунт 1792–1794 гг. Тем не менее, на протяжении 300 вёрст вдоль среднего течения Кубани, по единому образцу противившиеся донцы заселили 6 станиц (Воровсколеская, Григорополисская, Кавказская, Прочноокопская, Темнолесская, Усть-Лабинская) и сформировали Кубанский конный полк.

Бывшие екатеринославские казаки в 1802–1804 гг. образуют вместе с другими переселенцами 5 станиц (Воронежская, Казанская, Ладожская, Темижбекская и Тифлисская) и возникает Кавказский казачий полк. Общая численность населения обустроивавшейся Старой (Кубанской) линии составляла в начале XIX в., как и казачьего населения Черномории, около 25 тыс. человек. Причём, укрепление только Баталпашинского участка Кубанской кордонной линии привело к водворению 6 станиц: Барсуковской, Невинномысской, Беломечётской, Баталпашинской на реке Кубани, станиц Бекешевской и Карантинной (с 1835 г. Суворовской) на реке Куме. Кубанская кордонная линия к середине 1830 г. состояла из Усть-Лабинского, Прочноокопского, Баталпашинского и Ставропольского участков, и насчитывала 13 укреплений, 58 постоянных постов.

Большую роль в укреплении Кавказской линии сыграл ближайший сподвижник и продолжатель дела А.П. Ермолова, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, представивший императору Николаю I продуманный проект покорения Северного Кавказа и делавший ставку не на военные укрепления, а на водворение новых казачьих станиц, рост численности линейных казаков и ряд иных мер, твёрдо воплощаемых им в течение 7 лет. Свои проекты предлагали граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, барон Г.В. Розен и другие. По предложению барона Г.Х. фон Засса начинается устройство Новой (Лабинской) кордонной линии, а к концу 1830-х гг. в состав девяти полков Кавказского линейного казачьего войска в общей сложности входило 88 казачьих станиц Кавказской области.

Повседневная жизнь линейных станиц и привычный быт казаков характеризовались военизированной самоорганизацией. Линейная станица в архитектурно-планировочном отношении отличилась чётким зонированием поселенческого пространства, о чём писал в воспоминаниях генерал С.А. Венеровский. О поддержании достойного уровня жизни в линейных станицах заботились военные администраторы, например, атаман Кавказского линейного войска, генерал-майор Ф.А. Круковский. В целом же, образование станиц и иных поселений на Кубанской кордонной линии представляло собой взаимообусловленный исторический процесс, когда развитие поселенческих структур прямо пропорционально зависело от военно-организационных задач по формированию новых казачьих воинских подразделений в приграничной полосе и наоборот водворение поселений в зоне кавказского фронта завершалось созданием новых казачьих полков.

Третья глава «Военно-казачий императив в заселении Закубанского края» обосновывает авторскую позицию о преимущественно казачьей модели заселения новой российской территории, воплощение которой потребовало выработки иных поселенческих алгоритмов, связанных с разумным природопользованием, с опорой на региональную сеть кордонных линий и с рациональным месторасположением и водворением станиц, чтобы обживаемое пространство Закубанского края стало неотъемлемой частью исторического региона Кубани. Динамика водворения казачьих станиц в Закубанье на завершающем этапе Кавказской войны характеризовалась семикратным приростом: в 1861 г. насчитывалось 17 станиц, в 1862 г. к ним добавилось ещё 28 станиц, в 1863 г. появилась 21 новая станица, в 1864 г. дополнительно обустроились 54 станицы.

В первом параграфе третьей главы «Изначальные традиции природопользования переселенцев-казаков в Закубанье» исследованы проблемные вопросы адаптации казаков-переселенцев к непривычным природным условиям предгорий Кавказа и первых шагов по выстраиванию целостной системы разумного природопользования. В «Высочайшем рескрипте наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-адъютанту, графу Евдокимову» от 24 июня 1861 г. подчёркивалось, что «честь выполнения этого славного дела [по заселению предгорий] принадлежит преимущественно казакам Кубанского войска». Однако заселение Закубанского края осуществлялось разными группами переселенцев (хопёрские, оренбургские казаки и др.), которые затем влились в состав кубанского казачества. Сочетание насущных задач гражданского хозяйственного обустройства и военно-оборонительных целей в процессе заселения обусловило перекося в сторону строительства военно-значимых объектов (укреплений, дорог, просек и др.), а жильё возводилось по остаточному принципу зачастую не из легко доступной рубленой древесины. Сказывались отсутствие специалистов узкопрофессиональных групп (плотников и пр.), традиции домостроительства (каменные сакли Эзень-Амских переселенцев), необходимость ускорения работ (турлучные постройки), проведения межевания земельных участков и устройство защиты из древесных материалов от нападений горцев и нашествий диких зверей. При этом никто обязанности несения военной службы, организации дневных конвоев и ночных секретов не отменял.

Адаптация переселенцев к непривычным природным условиям предгорий Кавказа сопровождалась локальным голодом, болезнями, эпидемиями и высокой

смертностью, значительным снижением материального благополучия, падежом скота, климатическими и рельефно-поверхностными сложностями для привычных земледельческих занятий, в результате чего целый ряд станиц упразднили и переселили (Оренбургская, Сахрайская, Хребтовая и др.), ввиду невозможности самообеспечения, трудности доставки продовольствия и пр.

Для многих новых жителей Закубанья зачастую оказывалось проще добыть и быстрее продать сырые лесоматериалы, нежели кропотливо заниматься обработкой дерева, или выращивать какие-либо сельхозкультуры, ибо легче собрать и реализовать хоть и не за большие деньги дары природы. Особенно катастрофичный характер приобрели вырубki лесов, о чём забили тревогу войсковые власти в конце XIX в. (посыпались приказы, циркуляры), причём, дело даже попало в поле зрения наследника цесаревича Николая Александровича, как Августейшего Атамана всех Казачьих войск. Власти поддержали вынесение станицами Кабардинской, Даховской, Хадыженской, Самурской, Бесленевской и Баговской общественных приговоров по воспреещению рубки молодых деревьев ценных пород. В 1888 г. были выработаны временные Правила о лесах общего владения Кубанского казачьего войска и казачьих станиц, чтобы сохранить от истребления леса, но многие станицы неохотно подчинялись этим правилам (среди них, например, Пензенская). Лес, иные природные строительные материалы активно использовались при храмовом строительстве. Только за 1860–1862 гг. в Закубанском крае возвели 38 новых православных храмов.

Дикорастущие фруктовые деревья обеспечивали приличный доход, но наибольшую прибыль жителям Закубанья приносили лесной орех (лещина), грецкий орех и каштаны. Иное семейство собирало за сезон от 100 до 200 пудов орехов и продавало по цене от 75 копеек до 1 рубля 25 копеек. Ещё одним распространённым промыслом поселян являлось бортничество, связанное с поиском гнёзд диких пчёл и откачиванием мёда. Лесные растения, иные природные дары широко применялись в традиционной медицине кубанских казаков. В целом же, массовое появление российских поселенцев в Закубанье связано с процессами выстраивания целостной системы природопользования, о чём заботились войсковые и имперские власти, создавая лесничества, лесные дачи и пр.

Во втором параграфе третьей главы «Создание сети кордонных линий и военно-политическое руководство процессом освоения Закубанского края» исследуется малоизученный (коллизия: при наличии обширной историографии – sic!) процесс формирования кордонных линий, ибо всё зачастую ограничивалось Старой и Новой линиями, о которых сохранилось большое количество исторических свидетельств. Дополнительное внимание к этому парадоксу историографии, порой при крайней скудости источников, позволило провести историческую реконструкцию этих военно-хозяйственных объектов.

В региональную сеть входили следующие кордонные линии: 1) Абадзехская; 2) Абинская; 3) Адагумская; 4) Анапская; 5) Белореченская; 6) Береговая; 7) Верхне-Кубанская; 8) Верхне-Лабинская; 9) Геленджикская (Ольгинско-Геленджикская); 10) Даховская; 11) Зеленчукская; 12) Кубанская; 13) Мало-Лабинская; 14) Нижне-Кубанская; 15) Нижне-Лабинская; 16) Пшехско-Курджипская; 17) Пшишская; 18) Тихая; 19) Туапсинская; 20) Тубинская; 21) Убыхская; 22) Урупская; 23) Хабльская (Хабле-Пшадская); 24) Шапсугская; 25) Шебская;

26) Южная. Для каждой из линий реконструирована своя история, обозначено временное начало, но у них существенно различается масштаб укреплений и поселений, заметно отличаются роль и значение в региональной истории. Для нас же главное заключается в том, что каждая кордонная линия формировала своё поселенческое пространство, давала старт водворению новых станиц и иных поселений, где складывался присущий им поселенческий уклад.

Закрепление за Российской империей Закубанского края подразделяется на пять последовательных этапов. Первый этап – 1828–1841 гг. – сооружение Лабинской (Новой) кордонной линии – начинается со строительства первых укреплений на Левобережье Кубани и завершается водворением четырёх ключевых станиц: Лабинской, Чамлыкской, Вознесенской, Урупской. Второй этап – 1841–1855 гг. – развитие Лабинской кордонной линии – сопровождается возведением новых укреплений и новых станиц. Третий этап – 1855–1861 гг. – закладка новых кордонных линий (Адагумской, Зеленчукской, Урупской), разработка планов покорения всего Северо-Западного Кавказа. Четвёртый этап – 1861–1864 гг. – появление множества кордонных линий, массовое заселение казаками и российскими переселенцами Закубанского края, окончание Кавказской войны. Пятый этап – 1864–1870 гг. – завершение первичного массового заселения территории Закубанья, постепенное свёртывание системы военно-гражданского управления станичной жизнью, ликвидация региональных кордонных линий, переход на самоуправленческие начала местной жизни.

По данным на 1865 г. в Закубанском крае обустроились 111 новых станиц, в предгорьях Северо-Западного Кавказа водворились по переселенческим планам 38110 душ казаков, 161 офицерское семейство, и в инициативном (добровольном) порядке прибыли 132 офицерские семьи, 9658 казачьих семейств. С 1869 г. бывший Закубанский край (существовал в 1830–1865 г.) в административно-территориальном отношении постепенно унифицируется с остальными губерниями Российской империи. Большую роль в осуществлении переселенческой политики в Закубанье сыграли известные кавказские военные администраторы: М.С. Воронцов, А.И. Барятинский, Д.А. Милютин, Г.Х. фон Засс, А.А. Вельяминов, Н.И. Евдокимов, П.Д. Бабыч, Г.И. Филипсон и др. Но степень их личного вмешательства и реальный вклад в решение насущных проблем поселенческого обустройства, по нашему мнению, отличаются. В целом же, гражданско-поселенческий аспект в освоении Закубанского края в качестве новой российской провинции имеет вполне самостоятельное значение, хотя и неотделим от общего процесса закрепления за Российской империей новых земель.

В третьем параграфе третьей главы «Строительство, укрепление и наименование новых станиц в Закубанье» раскрывается заключительный этап переселения и освоения закубанских территорий, когда водворявшиеся станицы в военно-административном отношении жёстко связывались с полковой военной организацией. Сюда направлялись для поселения казаки (по жребью, по общественному приговору и «охотники») из определённых полков и станиц, сами станицы становились основой для функционирования вновь создаваемых полков, и личный состав этих полков занимался, наряду с несением воинской службы, возведением станичных поселений. В 1840-е–1850-е гг. освоение Закубанского края

шло довольно медленными темпами и ограничивалось преимущественно пространством между Лабой и Кубанью. С 1845 по 1857 гг. возникло всего лишь 12 станиц с населением 11 тыс. чел.

Станицы заселялись, прежде всего, казаками линейных полков, женатыми солдатами и унтер-офицерами регулярных войск, дислоцированных на Кавказе, прослужившими от 15 до 20 лет. Кроме того, добровольно поселялись государственные крестьяне из разных российских губерний – Воронежской, Курской, Полтавской и др., но при этом они зачислялись в казачье сословие. Переселенцам полагались детально прописанные в законном порядке государственные льготы, и им выделялась материальная помощь, в том числе, производилось возмещение утраченного имущества по месту прежнего жительства на основе описей (ценный источник – sic!) с таксировкой всех хозяйственных обретений.

В истории переселения линейцев и черноморцев в Закубанский край отдельным сюжетом является попытка одномоментного переселения целого полка и станиц в полном составе (по плану 1861 г. 3,5 тыс. семейств казаков). К ним относились: 1-й Хопёрский казачий полк, линейные станицы (Александровская, Грушевская, Круглолесская, Сергиевская, Спицевская) и черноморские станицы Старощербиновская и Канеловская. Реальная вина за непродуманное решение лежала на Г.И. Филипсоне, и не на Н.И. Евдокимове (что доказано Ю.Ю. Клычниковым). Он исправил ситуацию, получил «Высочайший рескрипт наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-адъютанту, графу Евдокимову» от 24 июня 1861 г. [подписан в Царском селе] по поводу приостановки переселения казаков и восстания казаков 1-го Хопёрского полка, с изложением мер, способствующих быту казаков, который официально огласил в станице Михайловской близ Ставрополя, а затем торжества прошли в первых семи бригадах Кубанского казачьего войска (бывших линейных). Но волнения казаков успокоились лишь к приезду на Кубань императора Александра II на Кубань в сентябре 1861 г., когда он убедился в верности казаков.

В строительстве, укреплении и поименовании новых станиц в Закубанье на 4-м и 5-м этапах переселения активно участвовали отдельные казачьи части, и с ними связаны исторические сюжеты, которые, вместе с тем, имеют прямое отношение к формированию в Закубанье кордонных линий, а они, в свою очередь, становились мощными укрепленными рубежами только с появлением станиц, ключевых пунктов кордонных линий. К числу этих частей относятся: Абинский (1864 г. – 12 станиц), Адагумский (11 станиц), Псекупский (16 станиц) полки; 25-й (9 станиц); 26-й (12 станиц); 27-й (20 мелких станиц) конные полки. Среди наиболее инициативных полковых командиров следует отметить командира Псекупского конного казачьего полка, полковника И.Д. Попко и командира 26-го конного полка, подполковника А.В. Пистолькорса.

О существенном преобладании казачьего элемента среди переселенцев в Закубанском крае свидетельствуют данные за пиковые 1862–1864 гг. В Закубанский край всего переселили 13443 семьи, из них – 147 офицерских семейств Кубанского казачьего войска. Из бывшего Черноморского казачьего войска в Закубанье обрели новое место жительства 3850 семей, из Кавказского линейного казачьего войска переехали 4490 семей, из Азовского казачьего войска переместились 1051 семей, из Войска Донского в Закубанский край прибыли 1008 семей,

из Оренбургского казачьего войска добрались 425 семей, из Уральского казачьего войска на новых землях поселилось 83 семьи, и, кроме того, в Закубанье водворились 1338 семей государственных крестьян. Причём, одновременно с укреплением станиц начинается постепенное свёртывание системы военно-гражданского управления станичной жизнью, происходит ликвидация региональных кордонных линий, осуществляется переход на самоуправленческие начала местной жизни. Казаки основательно закрепились в Закубанском крае, и теперь вся Кубанская область оказалась покрыта глобальной поселенческой сетью казачьих станиц, окончилась многолетняя социально-демографическая модернизация исторического региона Кубани.

В четвёртой главе «Топохронная эволюция хуторских поселений кубанских казаков в конце XVIII – начале XX вв.» казачий хутор позиционируется как самодостаточная форма поселения, позволяющая реализовать изначально заложенные в хуторской системе исторические преимущества материально-экономического, агротехнического и социально-хозяйственного порядка. Доказывается, что кубанский хутор сохранил в качестве первоосновы два базисных элемента казачьей земельной идеологии – землю и волю. В условиях переселения хутор обеспечил широкий простор казачьей индивидуальности, дал возможность для внедрения агротехнических новшеств и проявления хозяйственной инициативы казаков-переселенцев, порой переходившей разумные рамки и вызывавшей беспокойство войсковых структур. Хуторская система подтвердила историческую правомерность мироустройства поселенческой модели и закрепила архетип казачьего хуторского мира на Кубани.

В первом параграфе четвёртой главы «Складывание архетипа казачьего хуторского мира на Кубани» выявлены базисные тенденции в генезисе хуторской формы поселенческого обустройства. Хутор изначально выступал консолидирующей моделью поселения для простейших форм казачьего пристанища (первозахватная заимка, временный кош, сезонный зимовник), и лишь во второй половине XIX в. хутор преобразуется во многодворное селение. Фактически с превращением первозахватной заимки в хутор устанавливалось частно-корпоративное право собственности на землю (старозаимочные земельные участки), производное от общей государственной собственности, но статусно понимаемое казаками гораздо выше, отсюда их стремление к выходу на хутора.

В первичном хуторском обустройстве прослеживаются три потока: хутора «таманских казаков», хутора северного маршрута переселения и хутора, поддерживаемые войсковой старшиной. Если в 1809 г. в Черномории регистрировалось лишь 66 хуторов, то в 1821 г. их количество уже достигало 1776 хозяйств, а к середине XIX в. насчитывалось 3 тыс. хуторов. Это обусловило тяготение войсковых властей к нормативному регулированию хуторских поселений. Войско на основе «Порядка общей пользы» (§ 23) получило исключительное право выдавать «открытые листы» (владенные акты, пастбищные билеты) на вечное пользование землёй, и, тем самым, легализовать существовавшие казачьи заимки. Устанавливаемый порядок подталкивал к формированию частной собственности на войсковых землях, в чём преуспело панство (старшины). «Положение о Черноморском казачьем войске» (1842 г.) при уплате пастбищного сбора на правах бессрочной и нерасторжимой государственной аренды позволяло состоятельным

«войсковым обывателям» иметь огромные пространства пастбищ и сенокосов. Войсковая администрация неоднократно пыталась сдерживать рост хуторов под разными предлогами (проведение «вернейшей» переписи куреней 1793 г., выполнение сословных повинностей в распоряжениях 1800, 1801, 1802, 1803 и 1804 гг. о переселении хуторян в курени и др.).

Применение метода классификации хуторов позволяет выявить архетипы казачьего хуторского мира на Кубани. Первая в историографии классификация хуторов в Черномории по критерию социального происхождения на панские и куренные сделана Ф.А. Щербиной, или, по нашему дополнению, это деление на многоотраслевые (многочисленные строения, плодовый сад, плотина и мельница, до 200 голов рогатого скота и 1000 овец) и монокультурные (например, несколько строений, «родючий фруктовый разного рода сад», 30 голов рогатого скота и 30 овец казака Щербиновского куреня Матвея Ломаки, или 60 голов рогатого скота казака Незамаевского куреня З.Н. Белковца), когда отдельные казаки осваивали свою заимку. Из 1351 хуторов, насчитывавшихся в четырёх округах Черномории в начале 30-х гг. XIX в., 512 хуторов имели сформированные сады, причём, развитие садоводства поддерживала войсковая администрация. Управленческое отношение войсковых чиновников к водворению хуторских поселений обусловило дифференциацию хуторов на благонадёжные и неблагонадёжные по составу проживающих жителей (привлекаемых работников). По хозяйственному критерию хутора делились на скотоводческие и земледельческие, хотя долгое время первые явно преобладали. По критерию социальной принадлежности владельцев хутора подразделялись на три группы: чиновничьи, урядничие, казачьи. Эта классификация наиболее полно отражает три тенденции в количественном росте хуторов и свидетельствует о наличии трёх основных социальных групп в казачьей среде, способных в разной степени обеспечить функционирование хуторской системы хозяйствования. По инициированной А.П. Ермоловым переписи хуторов 1821 г., в Черномории насчитывалось 389 чиновничьих, 118 урядничих и 1256 казачьих хуторов. В архивной «Ведомости о хуторах офицеров и имениях при них» (ГАКК; 1833 г.) черноморские хутора дифференцировались по пяти отграничивающим и оценочным критериям: хутора с жителями благонадёжного поведения, хутора значительного скотоводства, хутора знатного хуторского обзаведения, хутора с жителями неблагонадёжного поведения и хутора с малозначительным обзаведением.

По критерию численности дворов выделялись: многодворные хутора, располагавшиеся на выгодных местах в торговых и промысловых целях; малодворные хутора, сформировавшиеся в результате переселения избыточного населения из станиц на дополнительно выделенные земельные участки; однодворные хутора, образовавшиеся на частновладельческих землях. В преимущественном развитии многодворного хутора, на наш взгляд, выказывала свою заинтересованность войсковая администрация, в том числе, под воздействием высоких военных и гражданских чиновников, управлявших макрорегионом Кавказ и его отдельными территориями от имени Российской империи.

Во втором параграфе четвёртой главы «Социально-экономическое обособление и административно-правовое положение кубанских хуторов» доказывается, что, несмотря на все коллизии нормативного упорядочивания

функционирования хуторов, законодательные ограничения для их водворения в Черномории не вводились. Первоначальное регулирование поземельных отношений на Кубани полностью основывалось на грамотах и указах императрицы Екатерины II. Согласно первой грамоте от 30 июня 1792 г., земля казакам передавалась в дар, как вечная потомственная собственность, причём, всему Черноморскому казачьему войску, а не отдельным казакам, но они ситуацию воспринимали иначе и действовали «по нраву вольной заимки». Поэтому не поддающаяся учёту численность хуторов росла гораздо быстрее, нежели количество куреней. Не случайно, введённый на основе «Порядка общей пользы» окружной гражданский суд в основном сосредоточился на проблемах взаимодействия хуторов и куренных общин в области поземельных отношений. В результате произвольные захваты земельных угодий (для водворения хуторов), являвшихся пожалованной войсковой собственностью, удалось приостановить. Исключительное право на проживание в хуторах оставили только для панов-офицеров.

Основной тип владения землёй определялся в жалованной грамоте императора Александра I от 31 мая 1803 г. как вольная заимка, но позволить себе завести огромное хуторское хозяйство могло только панство (старшина). Однако казачество больше и чаще вначале своего проживания на Кубани руководствовалось устоявшимися традициями и обычаями, нежели действовавшим российским законодательством. Войсковые власти вместо использования гибкого нормативного регулирования принимали запретительные меры в отношении хуторов. На основании приказа наказного атамана Черноморского казачьего войска Н.С. Завадовского войсковая канцелярия направила по всем четырём войсковым округам 19 ноября 1839 г. распоряжение № 31256 об упразднении хуторов из-за ненадёжности хозяев и «помалозначенного» обзаведения к весне 1840 г., что вызвало поток жалоб казаков-хуторян в имперские инстанции.

В «Положении о Черноморском казачьем войске» (1842 г.) земля по-прежнему объявлялась общеказачьей коллективной собственностью, но опосредованно Положение признавало приоритет индивидуализированной частной собственности хуторян при определении нормы пожизненного землепользования (согласно § 453) «служащим и отставным: генералу – тысяча пять сот десятин, штаб-офицеру – четыреста и обер-офицеру по двести десятин, нижним чинам – по тридцати десятин на душу».

В Кавказском линейном казачьем войске каждому из 17 полков отводились земельные участки по норме, установленной генералом А.П. Ермоловым. «Положение о Кавказском линейном казачьем войске» (1845 г.) закрепило полковые нормы, в зависимости от месторасположения полка на Кавказской линии, по чинам (§ 404): штаб-офицерам в пределах 300–400 десятин, обер-офицерам – 60–100 десятин, нижним чинам – 15–50 десятин на душу. Ограниченность станичного самоуправления у линейцев, наличие военной опасности и военно-административное регулирование сдерживало здесь рост хуторских поселений.

«Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» (10 мая 1862 г.) практически открыло широкую дорогу образованию хуторов, ведь вводилось индивидуальное наследственное владение выделенными земельными участками без

предварительного согласия казачьей общины и особо поощрялись любые хозяйственные обзаведения (сады, рощи, мельницы, и пр.). Высочайше утверждённое 21 апреля 1869 г. императором Александром II мнение Государственного Совета «О поземельном устройстве в казачьих войсках» установило три основные категории войсковых земель: юртовые станичные земли; офицерские (чиновничьи) земельные участки; войсковые запасные земли. Казачьи офицеры и чиновники после своего выхода в отставку получали землю в потомственное владение. Заведение новых хуторов и посёлков в пределах станичных юртов дозволялось «по приговорам полных станичных сборов, с утверждением войскового начальства». «Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск» (23 апреля 1870 г.) стало законодательной основой для введения в действие вышеуказанной нормы Положения 1842 г. «Положение о землеустройстве» (29 мая 1911 г.) позволяло оформлять права на приобретаемые земельные участки, что особенно важно для Кубани, где шёл процесс освоения новых земель, прежде всего, за счёт переселявшихся жителей из Центральной России. Российским государством поощрялось образование хуторских хозяйств, и они признавались лучшей формой землеустройства. Таким образом, основные тенденции в правотворческой деятельности и правоприменительной практике складывались в пользу развития кубанских хуторов.

В третьем параграфе четвёртой главы «Хозяйственно-культурный уклад хуторян: артефакты и интерпретации» представлена традиционная агрокультура кубанских казаков, выделено её отраслевое своеобразие, проведена историческая реконструкция типичных параметров хуторского хозяйства, доказан преимущественно моральный характер хуторской экономики казаков.

На своих участках хуторяне с переходом от привычного запорожского скотоводства к кубанскому земледелию возделывали достаточно широкий перечень сельскохозяйственных культур: пшеницу, ячмень, овёс, лён, просо, коноплю, рапс (позже его заменили подсолнечником). В системе хуторского земледелия долгое время применялись только простейшие севообороты. В качестве сельскохозяйственных культур для поддержания такого севооборота кубанские земледельцы обычно использовали: фасоль, горох, чечевицу, мак. В каждом казачьем домовладении стремились развести фруктовый сад (как говорили, посадить родючего дерева), у отдельных хозяев имелись своя пасека и мельница. Из региональных особенностей по возделыванию сельскохозяйственных культур следует выделить склонность хуторян на Кубани к выращиванию, помимо зерновых, масличных и технических культур. О крупном хуторском хозяйстве в 1862 г. даёт представление самая богатая в приазовских окрестностях усадьба казака Я. Филиппова-Воловина, хутор которого находился в 10 верстах от станицы Стародеревянской при Албашевском лимане.

Жильё хуторян долгое время имело непритязательный вид в виде турлучной хаты, или простой землянки. По происшествии лет и при наличии материальных возможностей строили саманные, литые и/или вальковые дома. Однако лишь внимательный наблюдатель (как Н.Н. Филиппов) мог подметить несущественную разницу между хуторами рядового казака и офицера. Описание большого

хуторского дома приводит в своих воспоминаниях Ф.А. Щербина. Хуторяне, несмотря на вроде бы неказистый быт, думали о будущем детей, и, к примеру, в хуторе Болгов в 1908 г. добились открытия «министерской школы» (ныне в хуторе МБОУ СОШ № 24 Усть-Лабинского района). Однако хуторяне могли официально проживать в станице, но иметь хутор, кош и зимовник.

Анализ применяемых казаками орудий труда не только раскрывает технический прогресс в региональном сельхозпроизводстве, но и позволяет выявить отличия хуторского хозяйства линейцев от черноморцев. Линейцы для предпосевной обработки почвы использовали преимущественно тяжёлый двухколёсный плуг, получивший широкое распространение на Дону и в малороссийских губерниях России. Профессионализм пахаря земли кубанской подчёркивался прозвищем «плугатырь», и его носил Ф.А. Щербина. В конце XIX – начале XX вв. происходят качественные изменения в кубанских хуторах: больше становится современной техники (паровые молотилки, локомобили, жатвенные машины и т.п.), укреплялись частные конезаводы (И.Г. Свидина, В.С. Скакуна и др.), росли крупные латифундии (барона Р.В. Штейнгеля и пр.). Шёл процесс социального расслоения казачества, что прослежено на примере социально-экономического обследования хутора Сосыкский станицы Полтавской. Богатые хуторяне активно привлекали батраков из числа иногородних. Так, у генерал-майора А.М. Дорошенко на хуторе в Ейском уезде по обоим берегам реки Сосыка оседло проживало в 44 домах 110 мужчин и 101 женщина, великороссов по происхождению и раскольников по вероисповеданию. Тем самым, хозяйственно-культурный уклад хуторян отличался большим многообразием.

Пятая глава «Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья» посвящена авторской исторической реконструкции социальных проектов, прежде всего, имперских властей по защите и обживанию отвоёванной Россией территориальной полосы Восточного Причерноморья, со временем ассоциированной в рамках одного российского исторического региона Кубани, когда ключевыми сюжетами поселенческого обустройства являлись укрепление Черноморской береговой линии и водворение группы станиц Закубанского поселения, где отчётливо прослеживались казачьи поселенческие модели и где наличествовала характерная культура поселенческой повседневности. Процесс российского освоения восточной части Черноморского побережья можно разделить на четыре последовательных периода. Первый период с 1828 г. до 1836 г. связан с появлением российских военных укреплений и первых постоянных поселений на восточном берегу Чёрного моря. Второй период с 1837 г. до 1855 г. обусловлен развёртыванием строительства и функционированием Черноморской береговой линии (от Анапы до Батуми), а затем её почти полной вынужденной ликвидацией в годы Крымской войны. Третий период с 1856 г. до 1870 г. приводит к возобновлению процесса заселения восточного побережья Чёрного моря, направления сюда переселенческих потоков, в том числе, из Азовского казачьего войска, казаки которого расселяются по территории Кубани, а само войско упраздняется в 1865 г. Завершается третий период расформированием Шапсугского берегового пешего батальона 18 ноября 1870 г. Четвёртый период связан с отдельным Черноморским округом, а затем и губернией (до 1918 г.).

В первом параграфе пятой главы «Российские проекты освоения восточного берега Чёрного моря» раскрывается первый период освоения Черноморского побережья (1828–1836 гг.), который сопровождался появлением первых российских поселений на восточном берегу Чёрного моря, строительством первых военных укреплений, разработкой проектов заселения побережья Восточного Причерноморья с участием казаков, восстановлением крепости Анапа.

В 1832 г. барон Г.В. Розен представил проект по заселению натухайских земель императору Николаю I и получил Высочайшее одобрение. В результате принятого решения началось обживание земель на береговом участке от крепости Анапа до устья реки Кубани, продолжавшееся с 1836 по 1846 гг. Более того, Николай I распорядился переселить в Анапу (от чего воздерживался Г.В. Розен) для начала 69 семейств мастеровых из числа малороссийских казаков.

Генерал А.А. Вельяминов подготовил в 1833 г. перспективный проект освоения восточного побережья Чёрного моря стоимостью 14 млн. рублей, где ключевым элементом прописал цепь военных укреплений под названием Черноморская береговая линия. Эту Линию он считал частью своего глобального плана покорения Кавказа, но рациональность и продуманность плана стали понятны значительно позже, и идеи А.А. Вельяминова результативно применили на Северном Кавказе князь А.И. Барятинский и граф Н.И. Евдокимов. Вельяминову удалось лишь возвести в 1831 г. Геленджикское военное укрепление.

В 1832–1835 гг. имперские власти полагали возможным заселять и обживать береговые пространства при бухтах Анапской, Суджук-Кальской и Геленджикской с поселением казаков и казённых крестьян, с привлечением на основе освобождения от податей мелких торговцев, купцов и мещан. Ключевым пунктом считалась Анапа, но после занятия крепости русскими войсками в 1828 г. её восстановление, заселение и торгово-экономическое развитие протекало крайне медленно, хотя существовал проект переселения «500 семейств малороссийских казаков». В начале 1832 г. в крепости Анапа, кроме гарнизона и военной администрации, также находились три категории населения: небольшое количество «лиц гражданского ведомства», русские торговцы с небольшим капиталом (маркитанты), а также анатолийские турки, греки и армяне. Проект графа И.Ф. Паскевича-Эриванского по переселению в Анапу до 1000 семей малороссийских казаков из Черниговской и Полтавской губерний Российской империи оказался отложен, а успевшие прибыть казаки приживались с трудом.

Во втором параграфе пятой главы «Поселенческая стратегия возведения Черноморской береговой линии и станиц Закубанского поселения» показан процесс развёртывания строительства и функционирования Черноморской береговой линии, затем вынужденной ликвидации в годы Крымской войны, а также воссоздаются поселенческие истории станиц Закубанского поселения, вместе с сюжетом о Линии составляющие второй период (1837–1855 гг.) в истории российского освоения восточной части Черноморского побережья.

В 1837 г. Россия учреждает Черноморскую береговую линию, представлявшую собой полосу прибрежных крепостей и фортов, хотя первые укрепления, положившие начало Линии, в виде небольших фортов в местечках Геленджик, Гагра и Бомборы возводятся в период 1830–1831 гг. В начале 1840-х гг. Черноморская береговая линия имела четыре отделения: 1) станица Николаевская,

форт Раевского, крепость Анапа, крепость Джемитея, станица Витязевская, форт Новороссийский, укрепление Кабардинское; 2) укрепление Геленджикское, укрепление Новотроицкое, укрепление Тенгинское, форт Вельяминовский, форт Лазарева; 3) укрепление Навагинское, укрепление Головинское, укрепление Святого Духа, укрепление Гагра, укрепление Бомборы, укрепление Пицунда, крепость Сухум-Кале, форт Марамба, укрепление Дранда, укрепление Илори; 4) крепость-порт Редут-Кале, форт Потти, форт Святого Николая. В развитии торгово-экономических связей видел перспективу прибрежных крепостей и фортов первый начальник Черноморской береговой линии, генерал-лейтенант Н.Н. Раевский-младший. Основные места созданных военных укреплений в будущем позволили сформировать гражданские поселения, в чём и заключается историческое значение Черноморской береговой линии.

Из всех укрепленных пунктов Черноморской береговой линии наилучшую динамику хозяйственно-экономического развития окрестной территории придала крепость Анапа, где сформировалась сельская поселенческая агломерация, получившая название Закубанского поселения. К 1 января 1852 г. в 5 станицах (Александровской, Николаевской, Витязев(ск)ой, Суворовской, Благовещенской с посёлками) и посёлках проживало 5412 человек (3053 душ мужского пола и 2359 женского пола), причём, у каждой станицы сложилась своя поселенческая история. О военизированном характере поселенческого обустройства и повседневной жизни станичников оставил красноречивые заметки военный министр, граф А.И. Чернышёв, в 1840 г. побывавший в Анапе и в станице Николаевской. Существовал проект в середине 1840-х гг. образования особого Казачьего полка из жителей Анапского Закубанского поселения. В целом, развитие причерноморских станиц сопровождалось утверждением местной системы хозяйствования. Согласно § 29 и § 30 Высочайше утверждённого императором Николаем I «Положения о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Чёрного моря» от 15 декабря 1846 г. закубанским поселянам предоставлялись большие льготы, и это привлекало множество лиц, не имевших «письменных видов». Однако зачастую затраченные средства и усилия властей практически не приносили ожидаемого результата, и Черноморское побережье ещё долго оставалось пустынным. С началом Крымской войны поселения были переселены вглубь территории Черноморского казачьего войска.

В третьем параграфе пятой главы «Казачьи поселенческие модели в освоении Черноморского побережья» обосновывается на примере централизованного переселения Азовского казачьего войска и водворения станиц Шапсугского берегового батальона ориентация имперских властей на казачье заселение новых российских территорий как эффективный социальный инструмент переселенческой политики и укрепления российского присутствия в Восточном Причерноморье в рамках третьего периода (1856–1870 гг.) в истории российского освоения восточной части Черноморского побережья.

Азовское казачье войско состояло из бывших запорожских казаков, происходивших из Задунайской Сечи. Они перешли из турецкого подданства под крыло Российской империи, и в 1832 г. правительство сформировало из их числа Азовское казачье войско, территориально расположившееся на Азовском побережье между Бердянском и Мариуполем (станицы Никольская, Новоспасовская,

Петровская, Покровская, Стародубовская). Существовало 5 проектов переселения: 1) проект 1837 г. императора Николая I о поселении на правом мысе Геленджикской бухты; 2) проект 1838 г. генерала Н.Н. Раевского о создании Войска береговых казаков на Черноморской береговой линии, причём, в его рамках сформировали 26 крейсерных команд азовцев; 3) проект 1843 г. генерала А.И. Будберга о Закубанском казачьем войске в районе Анапы; 4) проект 1850 г., одобренный Николаем I при условии получения согласия казаков, о поселении на побережье между устьем Кубани и бухтой Суджук-Кале (Новороссийской); 5) проект 1857 г. князя А.И. Барятинского о слиянии Азовского казачьего войска с Черноморским. В итоге переселение проходило отдельными группами в 1862–1866 гг., и азовские казаки (8 офицерских и 800 казачьих семейств) на условиях предоставления государственных материальных льгот, с морской переправой переселенцев вместе с нажитым имуществом, включая оружие, с прикрытием бывших черноморских казаков и сухопутным перегонном скота вселились и/или образовали 9 станиц: Абинская, Азовская, Анапская, Благовещенская, Дербентская, Ильская, Северская, Убинская и Холмская.

Формирование Шапсугского берегового пешего батальона и отнесение к нему закубанских станиц закреплено в Высочайшем повелении «О водворении в Кубанской области 54-х новых станиц и формировании двух новых конных казачьих полков и одного берегового пешего батальона» от 3 ноября 1864 г. Первым командиром стал известный кавказский воин, генерал-майор Ф.С. Левашёв. Для планировки причерноморских станиц назначили трёх топографов, чтобы при «разбивке мест под станицы обратить особенное внимание на удобство расположения станиц в хозяйственном отношении с соблюдением правильности очертаний». В небольшие по численности (снижение в 4–12 раз от норматива в 300 семей для Закубанского края) станицы поселялись штаб-, обер-офицеры, урядники и казаки из разных округов Кубанской области, воинских частей и соединений, крестьяне малороссийских губерний с зачислением их в казачье сословие. Переселение на северо-восточное побережье Чёрного моря не ограничивалось хозяйственным обустройством, и в обязанности Шапсугского берегового пешего батальона (полка) входило несение береговой службы (Шапсугская кордонная линия). Кроме того, переселение поощрялось государством в материальном плане, в том числе, с предоставлением дополнительных земельных наделов в собственность (под сады и рощи), и переселенцы пользовались значительными преимуществами и льготами, получая немалые безвозвратные пособия. На момент расформирования 18 ноября 1870 г. в составе батальона значились 12 станиц: 1) Адербийская; 2) Береговая; 3) Вельяминовская; 4) Вуланская, 5) Геленджикская; 6) Георгиевская; 7) Дефанская; 8) Джубгская; 9) Небугская; 10) Новомихайловская; 11) Ольгинская; 12) Пшадская, а также 2 посёлка: Армавирский (Армянский) и Кабардинский. В них проживало 629 семейств (4157 человек), и в среднем каждая причерноморская станица состояла из 54 семей, или 346 душ обоёго пола, с разным уровнем хозяйственного обустройства, на фоне которого выделялась станица Геленджикская. При расформировании батальона государством вводились новые льготы для закрепления населения. Вместо бывшего Шапсугского берегового пешего батальона в созданном Черноморском округе скомплектовали Бе-

реговой полк. Тем самым, имперские власти пытались решить насущную проблему заселения прибрежных районов Восточного Причерноморья преимущественно с помощью административно-территориальных преобразований и различных преференций переселенцам, в том числе, казакам.

В шестой главе «Трансформация кубанских поселений во второй половине XIX – начале XX вв.» раскрывается ретроспектива преобразования кубанских поселений на фоне административно-территориальных реформ во второй половине XIX – начале XX вв., когда поселенческие структуры выступают источниками социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани. Целенаправленно выявляются различные варианты сохранения традиционных ценностей и распространения модернизационных веяний в региональном поселенческом пространстве. Интерпретируются коллизии социального взаимодействия казачества и иногороднего населения.

В первом параграфе шестой главы «Административно-территориальные реформы культурно-исторического пространства кубанских поселений во второй половине XIX в.» доказывается особая коммуникационная роль кубанской станицы как ключевого поселения для региона, даются трактовки происходивших в нём административных преобразований.

Важным исходным посылом для авторского толкования исторического процесса освоения пространства исторического региона Кубани является идея о коммуникативных связях фактов, событий и явлений в истории, разработанная в современной российской историографии П.В. Уваровым. С этих позиций поселенческая структура как историческое бытие представляет собой пространство переживания человеком базисных социальных реалий и обретения определённости существования, «когда для него вполне ясным становится смысл существования и значимые параметры действительности». Отсюда предельно допустимы всего только два коммуникативных формата поселенческой структуры: станица и хутор, но мобилизационные возможности аккумулируются именно в станице, а во второй половине XIX в. кубанские поселения вступают в полосу административно-территориальных преобразований.

Длительное время роль куренных селений (станец) обуславливалась их опорно-сторожевым статусом в историческом регионе Кубани, который не менялся в течение всей первой половины XIX в. Более того, изначально доминировало государственное и региональное регулирование принятия архитектурно-планировочных решений для будущих казачьих поселений, начиная с момента расселения куреней в 1794 г. Такая управленческая практика продолжалась и в более поздние времена, предопределяя коммуникационную роль станиц. В 1832 г. появляются образцы застройки казачьих поселений, закреплённые для казённых селений Сводом законов Российской империи. Обновлённые нормы излагались в утверждённых 21 января 1851 г. императором Николаем I «Правилах о порядке составления, утверждения и приведения в исполнение планов для расположения станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих войсках». Они поделили по коммуникационному статусу станицы на три группы: 1) административные центры; 2) многолюдные и торговые; 3) остальные.

При планировании жилой застройки преимущества получали хозяева, способные возвести в нужном месте добротный жилой дом. Размещение таких колоритных домов власти утверждали в районе центральной площади и вдоль главных улиц, и это архитектурно-планировочное решение придавало характерный казачий вид станице. По дифференцирующему критерию социальной организации И.Д. Попко выделил три системы станичного обустройства: донскую, кавказскую и черноморскую. В источниках отчётливо прослеживается социальный поселенческий надлом к моменту образования Кубанского войска, когда военизированная станица превращается в гражданское селение.

Пересечение трёх поселенческих пространств Кубани середины 1860-х гг. (территория казачьих традиций; бывшая зона боевых действий; территория иногородних) фиксируется в административно-территориальной реформе 20 января 1866 г., когда «всё туземное население» Кубанской области делится на 5 округов: Псекупский, Лабинский, Эльборусский (Карачаевский), Зеленчукский и Урупский, и в них образуются военно-окружные управления. На основании «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» (1870 г.) во всех казачьих поселениях Кубанского казачьего войска вводилась новая система местного управления. Предусматривалось две ступени ведения местных дел: станичное общество и поселковое управление, а, соответственно, основными видами казачьих поселений определялись станицы и посёлки. 6 ноября 1870 г. отчисляются к Ставропольской губернии 13 станиц Кубанского и Терского казачьих войск, которые обращаются в гражданское состояние (а это сёла).

Вместо упразднённых 30 декабря 1869 г. 3 округов в Кубанской области образуются 5 уездов: Баталпащинский, Ейский, Екатеринодарский, Майкопский и Темрюкский. Перекраивалось поуездное рассредоточение станиц Кубанской области, как основных населённых пунктов на поселенческих территориях, и процесс этот растянулся на целых три года. О каждом уезде автору удалось составить развёрнутую социально-экономическую характеристику. Полную статистическую картину поселенческих структур в регионе позволяет представить архивная ведомость ГАКК о числе селений в Кубанской области за 1874 г. С 21 марта 1888 г. по инициативе главноначальствующего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, князя А.М. Дондукова-Корсакова после пятилетних дискуссий Кубанская область делится на 7 отделов: Баталпащинский, Ейский, Екатеринодарский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Темрюкский, и это деление просуществовало до 1920 г. В целом, кубанские станицы как поселенческие структуры получили достаточно сильный импульс развития и во много раз превышали размеры русских крестьянских селений. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. в кубанских степных станицах насчитывалось в среднем по одной тысяче и более хозяйств, а в предгорных станицах числилось до 400 дворов. В 1890-е гг. в состав Кубанской области входило 212 станиц, 60 посёлков, 29 крестьянских селений. Тем самым, базисным поселенческим образованием выступали казачьи станицы, игравшие ключевую роль в конструировании региональной идентичности.

Во втором параграфе шестой главы «Модернизация станичных и иных поселенческих структур в последней трети XIX – начале XX вв.» продемон-

стрирована мультимодальность ключевого для региона станичного поселенческого образования с помощью различных ресурсов авторского историописания: конкретно-фактологических, хозяйственно-экономических, коммуникационно-организующих, культурно-образовательных.

Если ранее черноморская и, особенно, линейная станица рассматривались в качестве укрепленного позиционного района, то модернизационный прорыв в последней трети XIX – начале XX вв. изменяет принципы поселенческого миромоделирования. На Кубани формируется развитый станичный юрт, когда станица выступает поселенческим административным центром со своей социально-поселенческой ролью, что представлено в рамках критического дискурс-анализа станичной реальности отдельных кубанских станиц (Баталпашинская, Уманская, Кавказская, Славянская) из разных мест исторического региона Кубани. Принцип географического детерминизма в дифференциации поселенческих территорий Кубани уступает место экономико-отраслевому критерию, поскольку поселенческая стратегия развития зависит не исключительно от месторасположения станицы, скажем, в числе закубанских поселений, а моделируется базисным промыслом, основным видом сельскохозяйственной продукции, транспортными возможностями, преимущественными торговыми операциями и др.

В 1847 г. войсковое правление утверждает 4 поселенческих разряда кубанских станиц по инициативе войскового архитектора Е.Д. Черника, которого волновало сооружение общественных хлебных магазинов, соответствующих численности населения. В итоге получилось: 1-й разряд (от 263 до 500 душ мужского пола); 2-й (500–1000); 3-й (1000–1500); 4-й (1500–2000 и выше). На основе этого деления сформировался актуальный список кубанских станиц. Поселенческую классификацию кубанских станиц по состоянию на конец XIX в. представил в своём исследовании Л.Я. Апостолов, опираясь на критерий благоустройства. Первая группа – станицы бывшей Черномории, вторая – степные станицы, находившиеся к северо-востоку и востоку от реки Кубани, не учитывая станиц, расположенных по самой реке Кубани, третья – станицы по реке Кубани и все остальные станицы к югу от реки Кубани, до Нагорной полосы включительно, четвёртая – станицы Таманского полуострова. Самыми благоустроенными назывались станицы бывшей Черномории и таманские станицы, особенно, Тамань. Наряду со станицами, имеющими свою длительную предысторию, в последней трети XIX в. появляются совершенно новые кубанские станицы (например, Копанская и Ясенская).

3 июня 1891 г. принимается общероссийское «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Согласно пункту 1 названного нормативно-правового акта: «Общественное управление станиц казачьих войск составляют: 1) станичное управление и 2) хуторское управление». Тогда наблюдалось два вектора развития в поселенческом мироустройстве на Кубани: во-первых, увеличение численности (плотности) населения самих поселений, и, во-вторых, нарастание множественности поселенческих структур, прежде всего, станиц и хуторов. Модернизация сопровождалась процессом означивания большой группы поселенческих объектов (по С.В. Самовтору) через наделение их тем или иным именем.

Станицы в Кубанской области по численности населения и масштабам территории поселения к концу XIX в. представляли собой громадные населённые пункты, многие из них имели вид настоящих городов. Более половины станиц

(120 поселений) насчитывали от 5 тыс. до 10 тыс. жителей, в 24 станицах проживали по 10 тыс. жителей, а ещё в 7 станицах (Вознесенская, Гиагинская, Лабинская, Староминская, Старощербиновская, Уманская, и Урупская) значилось более 10 тыс. человек. В Нагорной полосе Закубанья размеры станиц гораздо меньше, а 6 станиц (Каменноосткая, Красногорская, Нефтяная, Нижегородская, Нижнебаканская, Прусская) населяли по 2 тыс. человек. Заметно отличаясь по территориальным параметрам, все станицы Кубанской области были одна на другую очень похожи по внешнему виду. Общим прототипом всех кубанских станиц по базисному архитектурно-планировочному решению служил город Екатеринодар, с которым станицы имели много схожих черт. В центре кубанской станицы располагалась главная площадь, посередине площади находилась церковь, окружённая оградой и садом. В тех станицах, где возвели две церкви, там существовало и две площади. Именно на площади сооружали здание школы, как правило, лучшее здание станицы. Тут же занимали своё место станичное правление, общественные здания, магазины, лавки и пр. На одной из станичных улиц, пересекающих главную площадь, также располагались более лучшие постройки, нежели в иных местах, и она обычно называлась Красной. Вместе с тем, станица остаётся местом, где хранились и поддерживались культурные коды, единый культурный артефакт региональной общности, рождалась историко-пространственная концепция «казачий мир Кубани», актуальность которой сохраняется до наших дней.

В третьем параграфе шестой главы «Иногороднее крестьянство и казачество в кубанских поселениях во второй половине XIX – начале XX вв.» анализируются социально-групповой состав и статус иногороднего крестьянства, динамика прироста «городовиков», совокупность их прав и обязанностей, оценивается роль в процессах хозяйственного освоения кубанских земель и показывается трансформация взаимоотношений казаков и иногородних.

Иногородние крестьяне стали прибывать на Кубань с начала заселения исторического региона, и имперские власти поощряли переселение в Предкавказье государственных крестьян в расчёте на пополнение человеческого капитала казачьих войск. «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. ситуацию изменило кардинальным образом. Иногородние теперь имели возможность селиться в станицах на правах постоянных жителей, а также приобрели иные экономические права, правда, посажённую плату никто не отменял, и её регулирование по разрядам местностей каждые 5 лет составляет отдельный исторический сюжет. Но жизнь не стояла на месте, поэтому уже через короткий промежуток времени пришлось думать о совершенствовании законодательства в отношении иногородних. Высочайше утверждённое мнение Государственного совета от 29 апреля 1868 г. «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» юридически оформило фактическое существование новой социальной группы на казачьих территориях и категории собственников многообразного имущественного комплекса. Понятие «иногородние» стало часто фигурировать и в быту, и в официальных документах. Большую часть иногородних на Кубани составляли иногородние крестьяне, и они в 1916 г. делились на три социальные группы: вечняки (кубанские коренные крестьяне; 23,1% от общей численности), оседлые

(иногородние крестьяне, имевшие оседлость на законных основаниях; 46,1%), «квартиранты» (иногородние крестьяне, не имевшие оседлости; 30,8%). Отдельным сюжетом предстаёт попытка заселения и хозяйственного освоения Нагорной полосы (от реки Афипс до истоков реки Малая Лаба площадью около 450 тыс. десятин), где в течение 1868–1889 гг. укоренилось 930 крестьянских семейств, из них осталось в 1908 г. 327 семей, а ещё проживали 1 дворянская семья и 115 обычных семей иностранных подданных.

С 1874 г. появляется Владикавказская железная дорога, и нарастает наплыв иногородних, заселяющих разные станицы. В итоге к 1908 г. численность иногородних в Кубанской области превысила 1 млн. человек. С 1880-х гг. Военным министерством, войсковым и Кавказским начальством предпринимаются решительные меры к ограничению притока иногородних. По существу, происходила ревизия законодательного акта от 29 апреля 1868 г., когда стали требовать согласия станичного или хуторского общества на приобретение любого недвижимого имущества иногородними. Но на местах это подзаконное правило часто игнорировали. К примеру, в посёлке Ахтарском (тогда посёлок станицы Брѣньковской) казаки без разрешения поселкового общества продавали мигрантам свои плановые места. В свою очередь, войсковое и Кавказское начальство последовательно расширяло перечень ограничений (вводились дополнительные сборы, помимо посажённой платы, устанавливался запрет на новые жилые постройки, сокращались сроки аренды пахотных и сенокосных земель, и пр.). Социальное противостояние иногороднего крестьянства и казачества сохранялось до 1917 г., поскольку одни добивались уравнивания в правах, в особенности, по земельному вопросу, а другие понимали, что от иногородних просто так не отмахнуться, но стремилась сохранить исконные казачьи привилегии. Это различие позиций подпитывало социальную дискуссионную панель «иногороднее крестьянство и казачество: против/вместе», и жаркие споры продолжались.

До издания «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. доля иногородних в Кубанской области не превышала 5–6 тыс. человек. Детализированную ситуацию в отношении расселения и численности иногороднего крестьянства по его отдельным категориям в разрезе всех семи отделов Кубанской области по состоянию на 1893 г. предоставляет «Ведомость о наделении в Кубанской области с показанием в пунктах числа коренных жителей и числа иногородних, имеющих оседлость по отделам», обнаруженная автором в архивных коллекциях РГИА. По данным Л.И. Футорянского, к 1913 г. представители «невойскового сословия» составляли 57,2% населения Кубанской области. Основные факторы прироста: отмена крепостного права и окончание Кавказской войны, сопровождавшееся жалованием земель за службу на Кавказе; имперское законодательное регулирование в пользу расширения прав иногородних; заинтересованность в работниках землевладельцев, особенно крупных из числа военного и гражданского чиновничества Кубанской области и Российской империи; экономический рост, прежде всего, сельскохозяйственного производства. Повышался и уровень благосостояния иногороднего населения, обустроивавшего свой быт и приобретававшего постоянное жильё у коренного населения, а порой и ставившего казаков в экономическую зависимость.

Исторический процесс роста иногороднего населения отражён в рукописи Б.М. Городецкого «Земледелие в Кубанской области», сохранившейся в ГАКК и детально проанализированной в диссертации. На основе архивных материалов РГИА и ГАКК доказано существование и показывание группы «беспаспортных людей» из числа иногороднего крестьянства в Азовском прибрежном районе. По состоянию на ноябрь 1865 г. соискатель насчитал 33434 чел. В 1893 г. в Нагорной полосе имелось 33 посёлка, легально заселённых государственными крестьянами и занимавших 27 тыс. десятин, а в станицах Лабинская и Крымская казачье население не достигало 20%. Существовали региональные центры притяжения иногороднего населения, например, станица Таманская, хутора Романовский (Кропоткин), Тихорецкий (Тихорецк), и др. Но требуют дополнительного исследования сюжеты о социальных группах коренных (вечняках) и государственных крестьян с учётом их роли в культурно-хозяйственном освоении Кубани. В целом, анализ потерь и приобретений в алгоритме «казаки и иногородние: против/вместе» составляет бесценный исторический опыт.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. В авторском понимании поселенческой повседневности в историческом регионе Кубани на первый план выходят исторические формы поселений и поселенческий уклад, прежде всего, казачества, в топохронологической последовательности рассматриваемых с хозяйственно-экономических, культурно-этнических, мобилизационно-демографических, ментально-поведенческих позиций. Исторические формы поселений упорядочивали жизненный мир всех категорий переселенцев, включая казачество, предопределяли ежедневную среду обитания мигрировавших людей, задавали алгоритмы организации социального пространства, воспринимались укоренявшимся населением на Кубани как место силы, как малая родина на всю оставшуюся жизнь. Поэтому в диссертации приводится весь спектр форм и типов поселений: больших и малых, военных, полувоенных и гражданских, массовых и единичных, постоянных и временных, объединённых в два глобальных типа: казачьи и неказачьи. При этом отдельные формы поселений делятся на виды, скажем, хутора могли быть многодворные, малодворные и однодворные. Ещё более широко представлены классификации кубанских станиц как базисной формы поселения. С точки зрения поселенческих структур рассматриваемый период конца XVIII – начала XX вв. можно разделить на два больших этапа: 1) этап генезиса кубанских поселений и 2) этап модернизации кубанских поселений. Формы поселений выступали источниками социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани.

Категория поселенческого уклада охватывает вещественную среду обитания переселенцев на Кубань (жилой дом, подворье, хозяйственные постройки и пр.), типичное отношение людей к этому ближнему окружающему повседневному овеществлённому миру, ежедневную организацию бытового пространства, где отчётливо прослеживаются эстетические вкусы хозяина (хозяйки), мирские идеалы восприятия своего бытования и социальные нормы поселенческого обустройства, а также неразрывно связанную с ним сферу хозяйственно-производительных занятий. Поселенческий уклад также включает: архитектурно-планировочные решения, поселенческое землеустройство, технологии возведения жи-

лых, хозяйственных и общественных построек, характерный ландшафтный дизайн и другие параметры, подчёркивающие антропологические свойства казачьего типа поселения и позволяющие адаптироваться во времени и пространстве, а, главное, реагировать на вызовы исторической эпохи.

Исторические формы поселений и поселенческий уклад казачества неотделимы от исторического региона Кубани, а его сформировали два военно-административных образования: Черноморское казачье войско и Кавказское линейное казачье войско. Это традиционная логика регионального исторического исследования, но сам исторический регион Кубани имеет собственную историческую эволюцию в направлении создания историко-культурного ландшафта, называемого соискателем «казачий мир Кубани» и парадигмальным образом обосновываемого через авторскую концепцию исторических поселений.

Исторический регион Кубани, с одной стороны, выступает единым социогуманитарным, культурно-хозяйственным пространством, а, с другой стороны, в нём немалое значение имеют субрегиональные исторические феномены. Каждому крупному поселенческому феномену Кубани в диссертации отведено своё место (черноморские курени, линейные станицы, закубанские поселения, поселения северо-восточного побережья Чёрного моря), и при этом в каждом случае отслезены характерные формы поселений с присущим конкретно-историческим описанием. Роль строителя этого мира выполняло кубанское казачество, являвшееся имперским социально-демографическим проектом.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ СОИСКАТЕЛЯ:

*Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:*

1. Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX – XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 2. С. 175–177 (0,8 п.л.).

2. Федина И.М. Формирование локального мира казачьего хутора на Кубани: истоки и трансформации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2013. № 6. С. 199–203 (1,0 п.л.).

3. Федина И.М. Регулирование земельных отношений на Кубани в 1920-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. № 8. № 2-1. С. 39–45. (0,7 п.л.).

4. Федина И.М. Формирование и хозяйственное обустройство хуторских поселений кубанских (черноморских) казаков в конце XVIII – XIX вв. // Современная научная мысль. М., 2017. № 3. С. 6–11 (0,8 п.л.).

5. Федина И.М. Организация хуторских поселений линейных казаков в ходе освоения кубанских земель в конце XVIII – XIX вв. // История: факты и символы. Елец, 2018. № 2 (15). С. 41–51 (0,9 п.л.).

6. Федина И.М. Землеустроительная политика поселенческих образований черноморских (кубанских) казаков в конце XVIII – XIX вв. // Известия высших

учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2020. № 2 (54). С. 3–13 (0,92 п.л.).

7. Федина И.М. Нормативно-правовая регуляция земельных отношений у кубанских казаков в XIX веке // Исторический журнал: научные исследования. М., 2020. № 6. С. 133–144 (1,0 п.л.).

8. Федина И.М. Первые поселенческие образования черноморских казаков // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2021. Т. 7. № 4. С. 107–115 (1,2 п.л.).

9. Федина И.М. Землеустройство и межевание в Закубанских станицах (1860-е гг.) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2022. № 1 (109). С. 83–89 (1,1 п.л.).

10. Федина И.М. Поселенческий уклад и социальный быт славянского населения Кубани глазами иностранных учёных (конец XVIII – первая половина XIX века) // Наследие веков. Краснодар, 2022. № 2. С. 110–120 (1,0 п.л.).

11. Федина И.М. Повседневная жизнь населения причерноморских береговых поселений в условиях Крымской войны (1853–1856 гг.) // Клио. СПб., 2022. № 3 (183). С. 121–125 (0,95 п.л.).

12. Федина И.М. Социально-экономическая политика России на Черноморском побережье Кавказа во второй половине XIX века // Научный диалог. Екатеринбург, 2022. Т. 11. Вып. 10. С. 497–512 (1,2 п.л.).

13. Федина И.М. Социально-экономическое развитие станиц Кубанской области во второй половине XIX – начале XX вв. // Современная научная мысль. М., 2022. № 6. С. 66–71 (0,9 п.л.).

14. Федина И.М. Казачьи станицы в Восточном Причерноморье: к истории формирования Шапсугского берегового пешего батальона // Альманах «Казачество». М., 2023. № 1 (66). С. 100–107 (0,9 п.л.).

15. Федина И.М. Стратегия формирования поселений на Лабинской кордонной линии (1840–1865) // Власть. М., 2023. Т. 31. № 2. С. 259–264 (1,3 п.л.).

16. Федина И.М. Земельный передел в казачьих станицах Кубани (середина XIX – начало XX вв.) // Клио. СПб., 2023. № 3 (195). С. 97–104 (0,9 п.л.).

В том числе, статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Scopus, Web of Science):

1. Федина И.М. Отношения земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 4. С. 792–811 (1,2 п.л.).

2. Федина И.М. Формирование архетипа хуторских поселений черноморских казаков в конце XVIII – середине XIX в. // Вопросы истории. М., 2021. № 5-1. С. 182–189 (0,9 п.л.).

3. Федина И.М. Военно-административный и демографический аспекты формирования поселений кубанских казаков на Адагумской кордонной линии в Закубанье (1860-е гг.) // Журнал фронтальных исследований. Астрахань, 2023. № 2. С. 176–190 (1,5 п.л.).

4. Федина И.М. Формирование станиц Псекупского казачьего полка на Северо-Западном Кавказе (1864–1871) // Научный диалог. Екатеринбург, 2023. Т. 12. № 2. С. 474–488 (1,4 п.л.).

Монографии:

1. Федина И.М. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия: монография / под ред. А.П. Скорика. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 193 с. (12,5 п.л.).

2. Федина И.М. Поселенческая повседневность черноморских казаков: монография / под ред. А.П. Скорика. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. 190 с. (11,9 п.л.).

3. Федина И.М. [Глава] I. Теоретические аспекты краеведения; [Глава] 3. Изучаем малую родину // Краеведение на Кубани: проблемы, поиски, решения: коллективная монография / ред.-сост.: А.А. Самойленко / А.В. Белашов, А.В. Литвин, В.В. Литвин и др. [всего 8 авторов]. Краснодар: Изд-во КСЭИ, 2017. С. 11–25, 93–100 (2,0/14,2 п.л.).

4. Федина И.М., Скорик А.П. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.): монография. Новочеркасск: Лик, 2016. 420 с. (13,0/26,25 п.л.).

5. Федина И.М., Скорик А.П. Кубанские курени и станицы. Повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков: монография. Новочеркасск: Лик, 2022. 1336 с. (50,0/83,5 п.л.).

Статьи в иных изданиях,

материалах научных (международных, всероссийских) конференций:

1. Федина И.М. Негативный опыт разрушения целостности этносоциального мира казачества // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: РНО АГПА, 2012. С. 131–137 (0,7 п.л.).

2. Федина И.М., Шаповалов С.Н. Трансформация повседневности кубанской станицы в 1920-е гг. // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2013. № 4. С. 44–49 (0,5/0,97 п.л.).

3. Федина И.М. Трансформация кубанского хутора в первой половине 1920-х годов // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 19-й Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: АФ ГБОУ ККИДПО, 2013. С. 88–91 (0,4 п.л.).

4. Федина И.М., Скорик А.П. Становление казачьего хутора на Кубани // Ретроспективы региональной истории. Сборник научных статей / Южно-Российский государственный технический университет (НПИ). Новочеркасск, 2013. С. 148–167. Деп. в ИНИОН РАН, № 61098 от 5.08.2013 г. (0,5/1,0 п.л.).

5. Федина И.М., Скорик А.П. Генезис казачьего хутора и генерации хуторян на Кубани с конца XVIII века и до конца 1920-х годов // History and Historians in the Context of the Time (История и историки в контексте времени). Международный двуязычный научный журнал. Сочи, 2013. Vol. 10. № 1. P. 4–14 (1,0/1,5 п.л.).

6. Федина И.М., Скорик А.П. Формирование казачьего хутора на Кубани // Краеведческие записки. Сборник научных трудов / Новочеркасский музей истории Донского казачества. Ростов н/Д.: ООО «Альтаир», 2014. Вып. 11. С. 115–125 (0,4/0,63 п.л.).
7. Федина И.М. Формирование локального мира казачьего хутора на Кубани: истоки и трансформации // Современные исследования государства и общества. Краснодар, 2017. № 1–2. С. 67–73 (0,7 п.л.).
8. Федина И.М. Исторические аспекты природопользования кубанских казаков в ходе освоения предгорий Кавказа в 1860-е гг. // Aspectus. Краснодар, 2017. № 4. С. 80–84 (0,6 п.л.).
9. Федина И.М. Заселение и освоение казачьих станиц Причерноморья во второй половине XIX века // Причерноморье в истории и современном развитии российского государства: опыт интеграции. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции (г. Керчь, 2–3 ноября 2017 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 120–125 (0,7 п.л.).
10. Федина И.М. Проблемы эффективности использования лесных строительных материалов жителями Закубанского края (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Курорты. Сервис. Туризм. Краснодар, 2018. № 2 (39). С. 133–140 (0,9 п.л.).
11. Федина И.М. Агротехнические традиции на Кубани в XIX – начале XX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 34–39 (0,4 п.л.).
12. Федина И.М., Скорик А.П. Урбанистическая историческая перспектива причерноморской казачьей станицы Тамань // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Новороссийск, 28–30 октября 2018 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 68–74 (0,4/0,8 п.л.).
13. Федина И.М., Скорик А.П. Станица Александровская Ейского отдела Кубанского казачьего войска: некоторые страницы истории // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы одиннадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции (г. Армавир, 23 ноября 2018 г.). Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2018. С. 134–143 (0,6/1,0 п.л.).
14. Федина И.М. Паевая система распределения земельных наделов на Кубани в дореволюционный период // VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и прикладные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 4–5 октября 2019 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 207–212 (0,9 п.л.).
15. Федина И.М., Скорик А.П. Социальный проект каперства азовских казаков в Причерноморье в первой половине 1860-х годов // Причерноморье в контексте Российской цивилизации: история, политика, культура. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Севастополь, 24–26 октября

2019 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 144–153 (0,5/0,8 п.л.).

16. Федина И.М. Межевание и землеустройство войсковых земель Черноморских казаков в конце XVIII – начале XIX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей (Москва, 25 октября 2019 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 44–49 (0,6 п.л.).

17. Федина И.М. Казачьи станицы «старой» и «новой» линий: организация и обустройство в конце XVIII – XIX вв. // Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи. Сборник материалов Всероссийской научно-практической онлайн-конференции (Псков, 3–4 декабря 2020 г.). Псков: Псковский государственный университет; ООО «ПолиАрт Студио», 2020. С. 62–69 (0,5 п.л.).

18. Федина И.М. Путешественники и исследователи о поселенческом устройстве казаков на Кубани // Инновационные подходы в туристско-краеведческой деятельности системы детско-юношеского и молодёжного туризма: проблемы и перспективы развития (VIII Бочаровские чтения). Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Краснодар, 20 декабря 2020 г.). Краснодар: КСЭИ, 2020. С. 97–104 (0,9 п.л.).

19. Федина И.М. Участие уральских и оренбургских казаков в освоении Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX в. // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. Ижевск, 2021. № 1 (10). С. 30–35 (0,6 п.л.).

20. Федина И.М., Скорик А.П. Полтавская земельная стачка начала 1870-х гг. бывших черноморских казаков как реакция на изменение традиционных земельных отношений // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Таганрог, 28–29 мая 2021 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 120–125 (0,5/0,9 п.л.).

21. Федина И.М., Скорик А.П. Столкновение кубанских казаков с непривычными природно-социальными явлениями при освоении пространств Закубанья // Закономерности формирования и воздействия морских, атмосферных опасных явлений и катастроф на прибрежную зону РФ в условиях глобальных климатических и индустриальных вызовов («Опасные явления – III»). Материалы III Международной научной конференции памяти члена-корреспондента РАН Д.Г. Матишова (г. Ростов-на-Дону, 15–19 июня 2021 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 404–407 (0,3/0,65 п.л.).

22. Федина И.М., Скорик А.П. Национальный колорит и повседневность Геленджика в 1833 году (по запискам Фредерика Дюбуа де Монпере) // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 8–10 октября 2021 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 197–206 (0,5/0,98 п.л.).

23. Федина И.М., Панкова-Козочкина Т.В. Образование казачьих хуторов в Западном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX в. // Народы Кав-

каза в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.). В 2-х ч. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. Ч. I. С. 167–176 (0,4/0,8 п.л.).

24. Федина И.М., Скорик А.П. Межевание земель Черноморскому казачьему войску на Северо-Западном Кавказе // Народы Кавказа в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.). В 2-х ч. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. Ч. I. С. 177–186 (0,5/0,9 п.л.).

25. Федина И.М., Скорик А.П. Правоустанавливающий акт 1815 г. на хутор черноморского казака Матвея Ломаки как исторический источник // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 27 января 2022 г.). М.: Институт Российской истории РАН, 2021. С. 19–26 (0,4/0,98 п.л.).

26. Федина И.М., Скорик А.П. Трансформации топонимов и социотипа немецких колоний Кубани // Германия и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей (к 100-летию Рапалльского договора). Материалы XVI Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 29 октября 2022 г.). Краснодар: Традиция, 2022. С. 195–204 (0,5/1,0 п.л.).

27. Федина И.М., Скорик А.П. Лабинская кордонная линия как опорный рубеж в освоении Закубанья // Народы Кавказа в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура. Материалы IX Международного форума историков-кавказоведов, посвящённого 100-летию образования СССР (г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 346–355 (0,5/0,92 п.л.).

28. Федина И.М., Скорик А.П. Показачивание «беспаспортных людей» в Кубанской области // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Судак, 13–15 мая 2022 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 106–114 (0,4/0,8 п.л.).

29. Федина И.М., Скорик А.П. Переселение Азовского казачьего войска на Кубань в 1862–1866 гг. // Казачество на службе Отечеству. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2022 г.). Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. С. 260–268 (0,4/0,9 п.л.).

30. Федина И.М. Освоение Закубанья переселенцами из России и поселенцами-казаками в середине и во второй половине XIX в. // Казачество на Северном Кавказе: современное состояние и образ будущего. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Новочеркасск, 25–26 ноября 2022 г.). Новочеркасск: НОК, 2022. С. 353–362 (0,7 п.л.).

31. Федина И.М., Панкова-Козочкина Т.В. Участие донских казаков в формировании станиц Лабинской кордонной линии // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Тринадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции (г. Армавир, 2022 г.). Армавир: РИО АГПУ, 2022. С. 105–109 (0,3/0,74 п.л.).

32. Федина И.М., Скорик А.П. Екатеринодарский отдел Кубанской области: формирование, основные поселения, особенности состава населения в 1866–

1896 гг. // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Краснодар, 1 декабря 2022 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 262–270 (0,5/0,98 п.л.).

33. Федина И.М. Заселение, землеустройство и межевание Черноморского округа в 1866–1896 гг. // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: к 85-летию Краснодарского края (г. Сочи, 4–8 ноября 2022 г.). Краснодар: Перспективы образования, 2023. С. 451–456 (0,6 п.л.).

34. Федина И.М. Из дореволюционного прошлого станицы Славянской // XV Твердовские чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (путешествия, туризм, краеведение, образование, экология, сервис, дизайн) (г. Краснодар, 17–18 марта 2022 г.). Краснодар: Б.и., 2023. С. 115–120 (0,4 п.л.).

35. Федина И.М. Поселенческое устройство Темрюка в конце XVIII – XIX вв. // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: материалы Международной научно-практической конференции (г. Темрюк, 21–23 апреля 2023 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 71–75 (0,7 п.л.).

Федина Ирина Михайловна
ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОСЕЛЕНИЙ
И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ УКЛАД КАЗАКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
НА КУБАНЬ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 21.09.2023 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Печать цифровая. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 100 экз. Заказ № 5389.1.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

